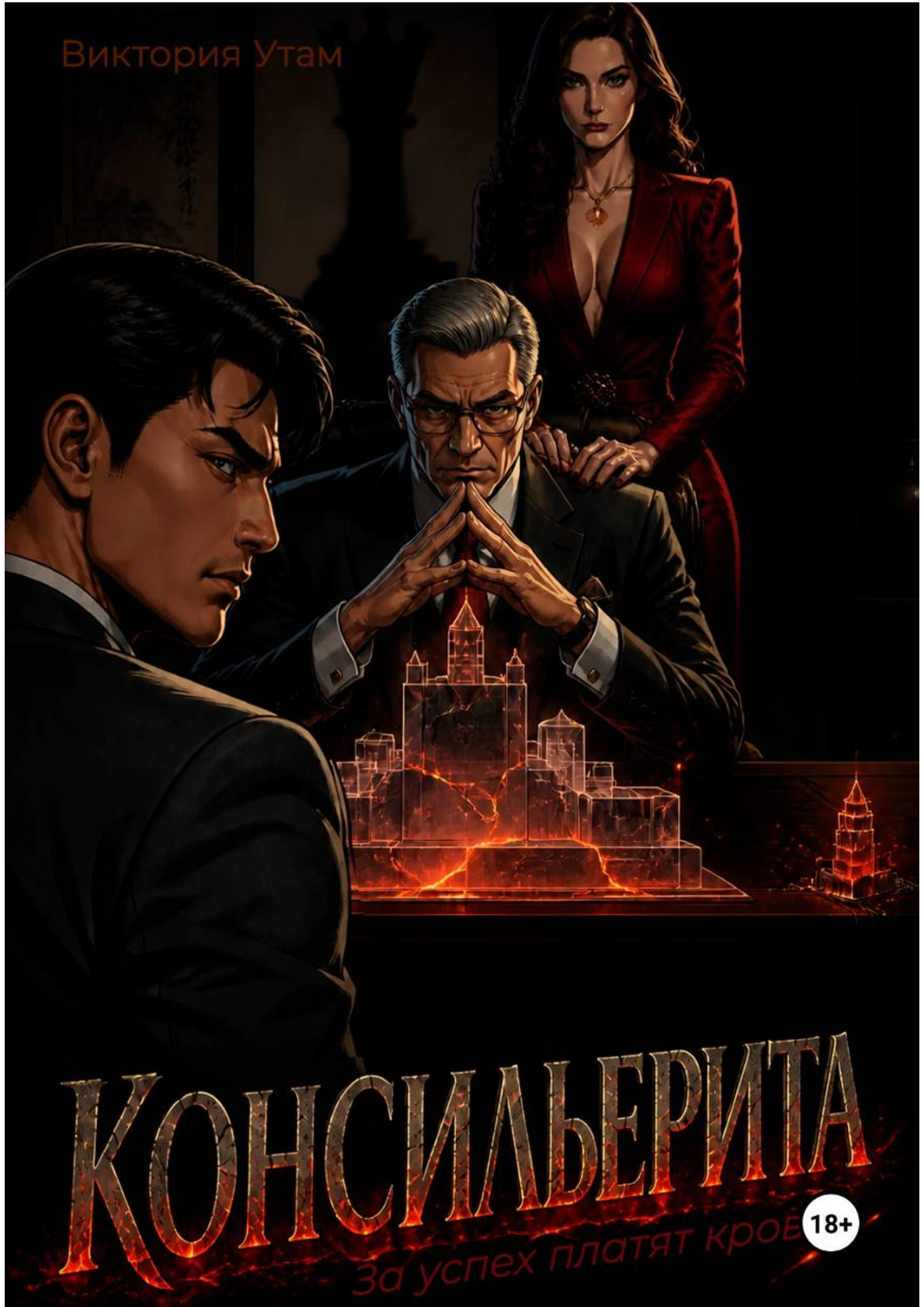

Виктория Утам

КОНСИЛЪЕРИТА

За успех платят кръв

18+

Виктория Утам
Консьерита

«Автор»

2026

Утам В.

Консильерита / В. Утам — «Автор», 2026

Поместье Санбалам называют «горным ветром», но на самом деле это лакированное змеиное гнездо, где судьбы людей ломаются одним росчерком пера. Кан Тэ-хён — бывший капитан спецназа, прошедший через трибунал и тюрьму. Потеряв всё, он вынужден наступить на собственную офицерскую гордость и принять предложение старого друга — стать телохранителем в могущественной империи «Синджин Групп». Его объект — личный секретарь Председателя. Обворожительная иностранка, которую за глаза зовут Ехидной. Окружающие шепчутся, что она — лишь элитная игрушка Патриарха, но на деле — безжалостный «консильере» в юбке. Сможет ли Тэ-хён выжить в этой подковёрной войне, где бьют не пулями, а компроматом? И какую цену платит железная леди за право оставаться цербером Дома Чжин? Читайте первые три главы остросюжетной психологической драмы в лучших традициях корейских нуар-триллеров! Текст подготовлен автором при участии стилистического ИИ-ассистента.

© Утам В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Пролог	5
Глава 1. Новый телохранитель семьи Чжин	11
Глава 2. Портовый бар	28
Глава 3. Личный помощник господина Председателя	47
Глава 4. Игра теней	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Виктория Утам Консильерита

Часть 1. Пролог

Тонкие женские пальцы невесомо скользнули вдоль края лакированной палисандровой поверхности стола и замерли.

Огромный письменный стол Председателя был похож на поле боя перед началом битвы. Все полки выстроены в идеальном порядке на своих местах. Справа, под рукой, традиционный набор для каллиграфии и тяжёлая шкатулка, инкрустированная перламутром, в которой хранилась его персональная печать из обсидиана. Настольная лампа, выполненная в стиле позднего арт нуво, с плафоном в виде цветка орхидеи.

На переднем крае стола — дорогие письменные принадлежности в двух подставках. Скорее предметы интерьера, чем функциональные вещи, так как Председатель, несмотря на свой преклонный возраст, редко писал что-то от руки. Прямо по центру стола лежал его ультратонкий ноутбук с серебристой крышкой и, как и положено, логотипом конгломерата.

Центральное место занимала массивная фигурка китайского дракона из цельного жадеита. Дракон уверенно шагал вправо на своих длинных когтистых лапах, и нёс в пасти огромную жемчужину.

Женские пальчики замерли как раз подле его подставки, не то в неуверенности, стоит ли двигаться дальше, не то в задумчивости. Потом скользнули мимо, обогнули угол стола и опустились на стопку аккуратно сложенных одинаково серых папок. Пробежались по корешкам, словно пересчитывая на ощупь. Их было не меньше десяти.

Десять претендентов на место нового телохранителя семьи Чжин. Начальник службы охраны Председателя с пугающей точностью подготовил досье на каждого, подшил листы в папки с прозрачными обложками и оставил на столе босса на рассмотрение.

Женщина бегло пролистнула страницы первых двух личных дел, не нашла в них ничего интересного, чуть сдвинула их в сторону и вновь замерла.

Фотография под прозрачной плёнкой третьего соискателя заставила её сердце пропустить удар. Для неё, европейки, большинство местных мужчин в одинаковых строгих костюмах казались безликой, монотонной массой — просто фоном, деталями интерьера огромного Дома. Клерки, водители, охранники — все они были на одно лицо. Но этот парень мгновенно выбивался из общего ряда.

Она провела кончиками пальцев по контуру пластика, разглядывая лицо. Широкоплечий, он обладал той редкой, по-настоящему притягательной мужественностью, в которой не было и капли слащавой модельной смазливости. Крупные, на редкость приятные черты лица, открытый взгляд, но в самой глубине его глаз, подернутых тенью пережитого, читалась затаённая, горькая усталость. Этот человек совсем не выглядел как бездушная машина для исполнения чужих приказов.

«Ветеран боевых действий», — бросилась ей в глаза выделенная фраза.

Несомненно, Пан-сок намеренно сделал так, чтобы Председатель ни за что не пропустил это личное дело. Он даже положил его на стратегически важное место — ни первым, ни в середину, а именно третьим. И наверх положил дела заведомо слабых кандидатов Чо Тэ-сана, чтобы контраст оказался ощутимее.

Ох, Пан-сок! Всё предусмотрел, чтобы продвинуть того, кто ему нужен.

Женщина с интересом пробежалась взглядом по стандартным строкам первой странички личного дела: рост, вес, образование и место службы. Всё было необычно. Для корейца он был слишком высок и физически развит, обладал солидным послужным списком: ОАЭ, Ливия, Сомали, международные миссии, свободный английский, разговорный китайский, боец ММА.

Получить такого в службу безопасности большая удача.

И всё же женщина не спешила радоваться. Опыт научил её во всём искать подвох и читать текст мелким шрифтом, не поддаваясь магии громких фраз.

И она нашла его.

«...уволен из рядов вооруженных сил... подозрение в мошенничестве... тюремное заключение... оскорбление официальных лиц, систематические драки...»

А парень-то оказался с двойным дном. Впрочем, верить не стоило одинаково как рекламным лозунгам, так и огульным обвинениям. На бумаге человека можно вознести до небес или втоптать в грязь — истина, как правило, всегда оставалась где-то посередине.

Она перевернула страницу.

Пан-сок не пытался сгладить углы или скрыть неприглядные шрамы на биографии своего ставленника, прекрасно понимая, что Председателя невозможно обмануть. На следующем листе педантично расшифровывались детали уголовного дела, уравнивая сухие статьи трибунала.

«...осужден по подозрению... настаивал на полной невиновности... в деле замешаны женщина и финансовые трудности... полностью оправдан и досрочно освобожден за отсутствием состава преступления...»

Но из армии его всё равно вышвырнули, закрыв дорогу назад навсегда.

Мысленно покачав головой: «Горькая и до боли банальная история. Блестящий боевой офицер спецназа, чья карьера так глупо и бесславно разбилась о чужую интригу», женщина закрыла папку и вновь остановилась на фотографии на первой странице.

Что заставило прагматичного начальника охраны так рисковать своей репутацией ради этого выскочки? Надо очень хорошо знать человека, чтобы при таком пятне на биографии смело предлагать его солидному семейству.

Женщина ещё раз скользнула взглядом по архивным выпискам, сопоставила даты, и на её губах заиграла едва заметная, холодная усмешка.

«Так вы из одного призыва. Однополчане. Вот оно что, Пан-сок... Решил пристроить под моё крыло своего старого армейского друга?»

Она прекрасно понимала: новый телохранитель станет для неё не защитой, а золотой клеткой, надзирателем, которого к ней приставят под благовидным предлогом. В этой подкованной битве Дома её ждал либо шпион откровенного врага Чо Тэ-сана, либо соглядатай Пан-сока, чья удушающая, фанатичная забота о ней лишала её последнего глотка свободы. Любой из десяти кандидатов изначально был меченым. Любой станет чужим орудием.

Но парень на фото... Он был слишком хорош. Слишком открыт и слишком красив для того, чтобы подпустить его близко и позволить стать тенью за своей спиной. Рядом с таким человеком будет чертовски трудно держать дистанцию и помнить, что он — всего лишь слуга. И потенциальный враг.

Едва заметно усмехнувшись своим мыслям, женщина закрыла папку и уверенным движением переложила её в самый низ стопки. Пусть затеряется там навсегда.

Послышался тихий шорох отодвигаемой створки двери.

Женщина не вздрогнула, не отпрянула от стола. Лишь медленно подняла взгляд на вошедшую.

Это была маленькая горничная с подносом в руках. Она остановилась на самом пороге и низко, по-зимнему зябко поклонилась. Чайные приборы на её подносе даже не звякнули.

— Писегванним... Председатель просил меня принести вам чай.

Её тонкий, почти кукольный голосок, звенящий неестественно-высокими, певучими нотами официального почтения, контрастировал с монументальной аскетичностью кабинета. Обычная корейская речь до сих пор казалась женщине грубой, лающей и вечно ворчливой, словно собеседники собирались подраться. Но этот девичий голосок звучал мягко, как пере­ливы весеннего ручья.

Да и сама девчушка выглядела испуганной пташкой, случайно забившейся в огромный замок чеболя, чтобы согреться.

Понадобилось некоторое время, чтобы мысленно перевести сложную уважительную кон­струкцию, прежде чем ответить.

— Хорошо. Поставь на тот столик, — ответила она просто. Произношение всё ещё было слегка угловатым, европейским, но фраза прозвучала уверенно и грамматически безупречно.

Горничная послушно засемила в левую часть кабинета, где за резными ажурными пере­городками скрывалась зона для частных бесед. На низком лакированном столике сиротливо замерли шахматная доска и фарфоровая бутылочка с любимым рисовым вином Председателя, которое тот любил попивать за партией.

Девушка бесшумно опустила поднос, осторожно отодвинула тяжёлую доску, расчищая место, и принялась расставлять пиалы из селадона.

Молодая женщина отрешенно понаблюдала за хлопотами девушки, затем отошла от мас­сивного стола и пересела в глубокое, уютное кресло поближе к чаю.

— Я могу убрать это? — робко поинтересовалась горничная, указывая на изящный фар­форовый сосуд, оставшийся стоять на столе с вечера.

— Да, конечно, — почти не глядя кивнула женщина, принимая из её рук чашку аромат­ного жасминового чая и с наслаждением выпитывая звенящую тишину этого уголка.

За огромными панорамными окнами раскинулся по-зимнему сонный сад. Деревья и веч­нозелёные кустарники за ночь щедро присыпало снегом, но он уже подтаивал, обещая к полу­дню окончательно сойти.

Кабинет Председателя оставался, пожалуй, единственным местом в огромном поместье, где она могла укрыться и перевести дух. Святая святых, куда никто не смел входить без личного дозволения хозяина — и уж тем более его капризная дочь. Старик сам негласно позволил своей помощнице прятаться здесь всякий раз, когда на горизонте сгушались тучи.

А тучи сгушались всегда, стоило госпоже Ха-рин переступить порог отчего дома. Каждое их столкновение неизбежно заканчивалось очередной вспышкой ярости со стороны дочери Председателя и ледяной ссорой, взрывающей покой усадьбы. Ха-рин органически не перева­ривала европейскую протезе своего отца, и об этой глухой вражде знал каждый слуга в ради­усе мили.

Было странно и почти приятно пить горячий чай, любясь умиротворяющим зимним пейзажем, в то время как где-то в жилом крыле дома прямо сейчас бушевала ментальная битва.

— Что госпожа Ха-рин? — женщина намеренно назвала дочь хозяина поместья корей­ским именем, проверяя реакцию прислуги. — По-прежнему не в настроении?

Ответа можно было и не ждать — всё мгновенно отразилось на лице бедной девчушки. Поставив бутылочку в глубокую нишу стеллажа, горничная замерла на невысокой подставке, без которой не могла дотянуться до полки, словно пойманный на краже зверёк. Слова жен­щины прозвучали настолько бесстрастно и ровно, что угадать истинное отношение писегван­ним к дочери хозяина было решительно невозможно.

Но рука служанки заметно дрогнула, а лицо потемнело от свежих, явно болезненных воспоминаний. Ей очень не хотелось делиться своим искренним мнением, но и промолчать она не смела.

— Госпожа Тиффани... — горничная испуганно скользнула по корейскому имени, поспешно заменяя его на более статусное, швейцарское, — немного не в духе из-за утренней головной боли.

Женщина лишь понимающе прикрыла глаза, спрятав лёгкую, едва заметную улыбку в фарфоровой чашке. У «принцессы» Чжин головная боль всегда удивительным образом совпала с приступами ядовитой стервозности.

Горничная спустилась с подставки, попятилась от стеллажа, стремясь как можно скорее покинуть опасную зону и скрыться с глаз писегванним. От избытка нервного напряжения её движения стали неловкими. Потеряв равновесие, она коснулась стола, и задела злополучную стопку.

Серые папки соскользнули с полированного края стола и с глухим стуком упали на пол, веером разъехавшись по дороговому паркету.

— Ой!.. — испуганно вскрикнула девчужка. Лицо её мгновенно побледнело. — Простите меня, писегванним! Пожалуйста, простите... Я такая неловкая!

Она тут же упала на колени, судорожно хватая папки.

Женщина медленно обернулась и наградила служанку тяжёлым, недовольным взглядом. Ей не понравилась не сама оплошность, а то, — что гораздо важнее — что девчонка нарушила её идеальную расстановку документов. План скрыть опасного кандидата на самом дне стопки трещал по швам.

Под этим пронизывающим, ледяным взглядом горничная почувствовала себя гораздо хуже, чем во время очередного скандала Ха-рин. Руки служанки крупно задрожали, напрочь отказываясь слушаться. Она попыталась собрать документы в одну стопку, но скользкий пластик обложек выскользнул из пальцев, и папки снова с тихим шелестом рассыпались по полу. Их пришлось поднимать заново.

— Ну, что ты там возишься? — чуть раздражённо спросила помощница Председателя, ставя чашку на столик. — Подними папки скорее и уходи.

— Уже всё, почти всё! — второпях воскликнула горничная.

Она лихорадочно собрала документы в кучу. Кое-как выровняв непослушные серые корешки, она дрожащими руками водрузила их на передний край палисандровой столешницы. И поклонилась.

Именно в этот момент глубокую тишину кабинета разорвали тяжёлые, размеренные шаги в коридоре. Раздвижная створка двери бесшумно скользнула в стену, и в свою святая святых вошёл сам Председатель.

Он мельком скользнул взглядом по фигурке горничной возле своего стола, пропустил её мимо себя, как нечто несущественное и обратился к своей помощнице.

— А, ты здесь... — устало выдохнул он. — Благо тебе сидеть и попивать чай. А я вот вынужден мириться с характером своей дочери.

Женщина не приподнялась с кресла, но, повернувшись в сторону хозяина дома, одарила его приветливой улыбкой, от которой её, в общем-то, не очень красивое лицо вдруг приобрело особое очарование.

— Присаживайтесь. Я вас чаем напою.

Она с готовностью наполнила вторую фарфоровую чашечку ароматным напитком, ведя себя в этом закрытом для всех пространстве как полноправная хозяйка.

Председатель с видимым удовольствием разместил своё грузное тело в глубоком кресле напротив, терпеливо дожидаясь, пока тонкая женская рука протянет ему пиалу.

Он совсем не обратил внимания на то, что чаша была подана без соблюдения строгих корейских канонов почтения, но это его ничуть не оскорбило. С этой женщиной он мог позволить себе роскошь чувствовать себя абсолютно свободно, без удушающих восточных условностей и масок.

Бросив короткий взгляд на горничную, которая всё ещё замерла в глубоком поклоне у двери, ожидая разрешения уйти, Председатель отпустил её едва заметным кивком головы. Девчушка поспешно выскользнула наружу.

Старик сделал первый глоток и задумчиво посмотрел сквозь ажурную перегородку туда, где на палисандровом столе сиротливо высилась стопка папок.

— Ты уже видела папки у меня на столе? — спросил Председатель, отпивая чай и устало прикрывая глаза.

— Да. Кажется, Пан-сок всерьёз решил обеспечить меня охраной.

— После того случая это кажется не лишним.

— По мне, так лишние хлопоты, — покачала головой его гостья. — Мне вполне хватает и Гиль-у. Зачем столько помпы?

— Ты теперь моя правая рука. И я хочу, чтобы у тебя был свой телохранитель. Гиль-у хороший малый, но он не боец. Чо Тэ-сан предложил кучу своих людей, но... — Председатель поморщился, — у начальника безопасности конгломерата слишком длинные руки. Я хочу, чтобы этот человек подчинялся Дому, а не корпорации. Пан-сок уверял меня, что нашёл кого-то действительно уникального.

Женщина едва заметно коснулась губами края чашки, скрывая внутреннее напряжение. Значит, Пан-сок уже успел нашептать старику о своем дружке. Хотелось надеяться, что после того хаоса, сто устроила служанка, папка этого «уникального» персонажа теперь надежно погребена на самом дне стопки под тяжестью девяти креатур Чо Тэ-сана.

— Уникального? — позволила она себе скептическую улыбку. — Председатель, вы же знаете Пан-сока. Он преданный и исполнительный, но мыслит категориями казармы. Все его протеже — бывшие армейские приятели, прямолинейные солдафоны с кучей взысканий в личных делах. Из тех, кто сначала бьёт, а потом думает. Стоит ли тащить в Дом человека с улицы, у которого за плечами один лишь трибунал да тюремный позор? Выберите кого угодно из списка Тэ-сана. А люди Пан-сока — это пороховая бочка.

Председатель ничего не ответил. Он лишь приоткрыл один глаз, внимательно посмотрев на свою помощницу. За долгие годы он научился читать людей как открытую книгу. Молодая женщина, что сидела сейчас перед ним, редко высказывалась о чём-либо так категорично. Её резкое сопротивление кандидату Пан-сока не на шутку заинтриговали старого чеболя.

«Пороховая бочка, говоришь? Интересно...» — подумал он.

— Не ворчи. Просто доверься ему. Пан-сок умный малый, он сделает всё как надо, — примирительно произнёс старик, но в его голосе уже проскользнули нотки упрямого любопытства.

«Именно этого я и боюсь», — едва слышно произнесла женщина и продолжила пить чай.

Сделав небольшую паузу, она вновь подняла на него взгляд и добавила уже громче:

— Впрочем, я уверена, что ваша интуиция не подведёт вас и на этот раз. Вы ведь объективно рассмотрите всех кандидатов? — промурлыкала она со своим особым, мягким акцентом, который превращал строгие корейские слова в сплошной журчащий поток.

Председатель благосклонно кивнул, заверяя, что всё так и будет.

— Я приглашу первого кандидата на собеседование уже завтра, — старик поставил пустую пиалу. — Хочу, чтобы ты присутствовала.

— О, это совсем не обязательно, — она мягко улыбнулась в ответ. — Я полностью доверяю вашему выбору.

Председатель чуть насмешливо прищурился. Тайные движения души даже этой глубокой, закрытой для всех женщины никогда не были для него секретом. Но ему искренне нравилось, что именно с ним она сбрасывала маски, оставаясь пронзительно откровенной.

В мыслях он часто называл её своей девочкой. В этом внутреннем определении крылось что-то по-отечески тёплое и одновременно по-хозяйски присваивающее — так сильный муж-

чина относится к своей самой дорогой и редкой ценности, которую никому не намерен отдавать.

Женщина с тайной тоской опустила взгляд в чашку.

Сейчас он допьёт чай, тяжело поднимется из кресла, подойдет к палисандровому столу и начнёт изучать дела претендентов на место её личного стража. И кто из десяти соискателей по воле испуганной горничной теперь попадётся ему самым первым — одному Богу известно.

За окном медленно падал последний в этом году снег. Скоро зима закончится, и укрытый им сад оживет звуками и красками. А пока было так приятно наблюдать за его тишиной и сонным дыханием из тёплого, уютного кабинета.

Глава 1. Новый телохранитель семьи Чжин

Это был первый день его работы в семье Чжин — владельцев корпорации «Синджин Групп», крупного конгломерата, объединяющего около десятка компаний в различных отраслях экономики. Сколько именно было подразделений у этого конгломерата, Тэ-хён слабо представлял себе. Он хорошо знал только то, что господин Чжин До-джун является владельцем «Синджин Технолоджи Корпорейшн», которая сама по себе образует мощную структуру, объединяющую производства как внутри страны, так и за её пределами.

Он давно знал эту марку: ещё в армии он держал в руках приборы ночного видения «Синджин», а в доме его арендодателя тихо моргала лампочкой камера видеонаблюдения с их логотипом. Но чтобы однажды стать частью этой империи... Об этом он и не мечтал.

И всё же он здесь, в особняке основателя корпорации Председателя Чжина. Теперь он, Тэ-хён, стал частью этой гигантской организации. Неожиданно даже для самого себя.

Попасть на службу к Председателю было невероятно сложно. Каждый кандидат проходил строгую проверку. А ему повезло — за него поручился Квон Пан-сок, приятель по армейским будням. Что он сказал своим боссам — загадка. Но Тэ-хён знал одно: этот человек бросил ему спасательный круг, когда он уже не верил, что в его жизни что-то может измениться.

Его взяли быстро, закрыв глаза на прошлое, которое трудно было назвать безоблачным. Правда, пришлось два месяца выжимать из себя пот в спортзале, игнорируя смешки молодых «быков». Для них он был списанным стариком, пока на первом же спарринге не напомнил им, чему учат в спецназе.

Зато теперь в зеркале на него смотрел другой человек: плечи снова развернулись, а в глазах, ещё недавно тусклых от дешёвого спиртного, появился опасный блеск.

Контраст резал глаза. Ещё недавно он был тенью самого себя — опустившимся сторожем склада, который заливал былую офицерскую гордость дешёвым макколи. И прятал взгляд от стыда за самого себя. Видеть разочарование в глазах родителей было большее, чем терпеть любой удар в спецназе, но тогда у него не хватало сил даже на то, чтобы просто бросить пить.

Теперь всё изменилось.

Тэ-хён снова стал тем, кем его учили быть: собранным, жёстким, готовым к действию. Пан-сок вытащил его из сточной канавы, и подвести его было бы откровенным предательством. И самоубийством по отношению к самому себе. Успех был единственным способом закрыть долги и, что важнее всего, вернуть себе право смотреть отцу и матери в глаза, не прячась за пьяным туманом.

Он стоял перед маленьким овальным зеркалом, висевшим рядом с дверью, словно молчаливый страж, охраняющий покой комнаты, и смотрел на своё отражение. Зеркало было явно маловато для его плеч, но для того, чтобы оценить себя «нового», вполне хватало.

Новая форма... да, это не военный мундир. Больше похожа на дорогой костюм из бутика в Каннаме. Тёмно-серый пиджак, галстук с едва заметными полосками и значок «Синджин» на лацкане. Тэ-хён поправил узел галстука и иронично улыбнулся своему отражению.

Когда-то Ын-ми твердила, что с его лицом ему прямая дорога в айдолы или на подиум, — поближе к глянцу и подальше от грязи. Она видела их парой на обложках. Но он уже тогда знал, что будет только военным и никем иным, и выбрал камуфляж и берцы.

Почему?

Ещё в школе, когда одноклассники мечтали о карьере в кей-поп или кресле в корпорации, он зачитывался уставами и тренировался до потемнения в глазах. Семья была против, никто не поддержал его выбор, но Тэ-хён знал: это его судьба. Армия была его хребтом, его смыслом. И когда этот хребет сломали, изгнав его со службы, мир просто перестал существовать.

Сейчас, глядя на поблёскивающую эмблему корпорации, он чувствовал лишь горькую иронию. Он снова надел форму, но это была не та форма, которой он гордился. Это был костюм для игры в «важную персону».

Теперь его профессионализм, который он ковал годами, превратился в дорогой аксессуар для чеболей. Правила стали запутаннее, а цена ошибки — выше. Внутри Тэ-хён всё ещё оплакивал того офицера, который остался по ту сторону «гражданки».

Придирчиво осмотрев себя в зеркале, он провёл рукой по волосам, смазанным гелем и аккуратно уложенным с пробором. Чёрные как смоль пряди блестели на свету. Модная «мокрая» чёлка придавала взгляду загадочности — почти как у Элвиса Пресли в молодости. Он чуть склонил голову, оценивая результат, и усмехнулся.

— Не слишком ли я хорош для этого места? — спросил он у своего отражения.

Ему хотелось драйва, рёва двигателей и неоновой ритма Сеула, а этот особняк напоминал музей эпохи Чосон, только с вай-фаем. Весь этот пафос — шёлковые обои, антикварное дерево и слуги, передвигающиеся как призраки в мягких тапочках — вызывал у него зуд. Как можно создавать передовые технологии в месте, где даже воздух кажется пыльным от древности?

Тэ-хён поправил значок на лацкане. Если его взяли сюда «охранять покой», то они явно ошиблись с выбором. Покой — это не про него. По крайней мере, не сегодня. Пора было встряхнуть это сонное царство, даже если это будет стоить ему работы в первый же день.

Он не собирался стоять истуканом, как те двое у входа, чьи лица напоминали застывшие маски из театра Хакхе. В нём кипел тихий бунт: он хотел быть не тенью, не аксессуаром, а кем-то, кто нарушит этот идеальный, стерильный порядок.

Всё в нём требовало бунта против неписанных правил строгого конгломерата. Офицер Кан знал, как вести войну, но сейчас он собирался устроить спектакль. Он покажет этим старикам, этим экспонатам на витрине успеха, что за их безопасностью стоит не бездушный механизм, а человек, у которого ещё остался задор. Пусть это будет игра, но играть он будет по своим правилам.

Казалось бы, прошла всего неделя с тех пор, как он впервые переступил порог поместья Санбалам и выдержал ту встречу в кабинете, которую запомнит надолго. А его жизнь уже разделилась на «до» и «после».

С тех пор как его с позором выгнали из армии, лишили наград и звания, жизнь стремительно неслась под откос, как вагонетка в тёмной шахте — без тормозов и света впереди. И если случайная встреча с Пан-соком на краю гибели вырвала его из физического небытия, то визит в этот дом вернул ему нечто большее — право снова считаться человеком. Почти чудесным образом он оказался в нарядном экспрессе, способном унести его в невообразимые дали. Вот только Тэ-хён пока ещё не понимал: пассажир он в этом поезде или всего лишь часть чужого багажа.

Там, в просторном кабинете, глядя в холодные глаза хозяев империи, он внезапно ощутил: падение прекратилось. Удар о дно оказался не смертельным, а выталкивающим. Впервые за два года в нём увидели не опустившегося неудачника, а человека, обладающего силой и достоинством. В их тяжёлых, оценивающих взглядах он, как в зеркале, разглядел отражение того Кан Тэ-хёна, которого сам похоронил под горой пустых бутылок.

В нём проснулась яростная, колющая гордость. Он заставил себя вспомнить, каково это — держать безупречную выправку не потому, что так велит устав, а потому, что ты знаешь себе цену. Он не позволит им смотреть на себя как на отброс, который можно использовать и выкинуть. Если он и будет служить, то как равный — как клинок, который стоит слишком дорого, чтобы им просто вскрывать конверты.

Тэ-хён сам до конца не верил в происходящее. Всё казалось сюрреалистичной сказкой: ещё недавно он был никем, а сегодня стоял здесь, в «святая святых» — родовом поместье семьи Чжин, куда вход обычным смертным (даже топ-менеджерам корпорации) заказан. И чувствовал себя Золушкой, которая внезапно оказалась на балу, вот только вместо хрустальных туфель на нём была тяжёлая ответственность и форма, которую ещё предстояло научиться носить.

Вот только форма на нём... Безупречная, дорогая, статусная... но в его глазах это была ливрея. Как бы Пан-сок ни называл это «командой», Тэ-хён понимал: теперь он — элитный лакей в золоченой клетке. И эта тяжёлая ответственность, о которой все твердили, на деле была обязанностью вовремя открывать двери и молча следовать по пятам.

Гордость, проснувшаяся в кабинете Председателя, снова болезненно сжалась. Чтобы не дать этому чувству поглотить себя, Тэ-хён нацепил на лицо самую дерзкую из своих ухмылок. Если уж ему суждено носить ливрею, он будет носить её так, будто это мантия короля — или, по крайней мере, костюм супершпиона из голливудского боевика.

Его новыми «объектами» станут не боевые товарищи и не государственная граница, а люди-бренды. Те, чьи фамилии печатают в «Форбс», а лица скрывают за тонированным стеклом лимузинов. Сказочно богатые, безмерно влиятельные и оттого — патологически уязвимые.

Охранять их покой казалось Тэ-хёну сомнительной честью, почти деградацией. Он чувствовал, как его офицерская гордость корчится от осознания: теперь его жизнь — лишь разменная монета, которую бросят на кон при малейшей угрозе интересам семьи. И на этих весах его судьба весила не больше пушинки по сравнению с тяжестью золотого кошелька Чжинов.

Горько было признавать, что весь его многолетний опыт теперь служит лишь одной цели: стать дешёвой заплаткой на броне тех, кто считает себя полубогами.

Но выбора не оставалось.

Гордость — дорогая роскошь для того, кто уже однажды коснулся дна.

* * *

Как в кошмарном сне, вспоминал он тот миг, когда лопнул трос лебёдки, на котором была подвешена его люлька. В голове мелькнуло: «Всё кончено».

Он уже попрощался с жизнью, представляя себе картину, как падает с семнадцатого этажа, но люлька все ещё держалась на оставшихся тросах, опасно накренившись над землей и раскачиваясь на холодном осеннем ветру. Вниз с шумом полетели ведра и моющие средства, а он, ухватившись за уцелевший трос, повис в пустоте, не ожидая помощи.

И вдруг в рации, прикрепленной к его рабочему комбинезону, раздался голос:

— Эй, парень, держись? Не дрейфь! Сейчас вытащим.

Голос и манера выразиться показались смутно знакомыми, но он был не в том положении, чтобы копаться в памяти. Это был не тот менеджер, что дал ему это поручение. Паниковать он не собирался, просто подумал, что это вполне закономерный конец свалившимся на него последнее время злоключениям. Жить ему давно расхотелось.

Звук второго оборвавшегося троса был словно грозный окрик со стороны Небес в ответ на его унылые размышления. Словно кто-то пригрозил ему пальцем: «Еще одна такая мысль, и я оборву все нити, связывающие тебя с жизнью!»

И тут Тэ-хён понял, что жить ему все же хочется, несмотря ни на что. Он вцепился в трос с такой силой, что даже перчатки затрещали.

Он провисел так минут десять, хотя по его внутренним часам прошла целая вечность. Где-то вдалеке завывали сирены, пробираясь сквозь все пробки загруженного под вечер города. И тут с неба — будто ангелы — спустились двое мужчин в чёрном камуфляже и экипировке для высотных работ. Быстро и чётко зацепили страховку, подтянули его вверх, на смотровую площадку, где ветер бил с ещё большей силой.

Не успел он отдышаться, как кто-то в строгом костюме хлопнул его по плечу и сказал:
— А ты в своём репертуаре, Хён.

Тэ-хён поднял глаза, узнал человека, и в этот момент ноги отказались служить ему. Он рухнул на пол, будто его подкосило.

Его оглушили смутные эмоции. Радость от спасения? Удивление от внезапной встречи с человеком из далёкого прошлого? Или стыд от того, в каком жалком положении он оказался? Он не мог разобрать, чего было больше.

Много позже они сидели под ветхим тентом уличной забегаловки, пронизанной осенним сквозняком, пили соджу с пивом и говорили о прошлом. Пан-сок не хвастался, но Тэ-хён и сам видел: у него всё хорошо. Дорогой костюм, тёплое пальто, начищенные до блеска ботинки, уверенная манера командовать — таким он не был в армии, служа офицером при штабе.

А Тэ-хёну даже нечем было заплатить за дружескую выпивку. И он напился до беспамятства за чужой счёт — то ли желая забыть пережитый ужас, то ли чтобы скрыться от самого себя.

На следующее утро он проснулся в своей квартирке на крыше дома госпожи Чой, среди облупившихся стен и затхлого воздуха. Не помнил ничего после того момента, как вызвался на подработку и очутился на семнадцатом этаже здания «Синджин Групп». Остальное казалось дурным сном.

И всё бы ничего — он привык к мутным дурным снам, — вот только прямо над ним стоял тот самый Квон Пан-сок и, словно насмехаясь, поливал его водой из чайника.

— Очнулся, наконец? Ну и вонь здесь. Не могу больше дышать. Пошли отсюда. Есть хочу.

Голова раскальвалась, руки тряслись, яркий свет резал глаза. Но голод оказался сильнее гордости. Он безвольно поплёлся за Пан-соком в ресторан дядюшки Ко.

Там оказалось, что ещё вчера, в пьяном угаре, он выложил Квон Пан-соку всю свою жизнь — всё, что наболело и не давало ему распрямиться и жить свободно. Как же было стыдно!

— Так как ты узнал, где я живу? — с настороженностью в голосе спросил Тэ-хён, с наслаждением втягивая в себя лапшу.

— Тоже мне, тайна, — усмехнулся Пан-сок, осторожно пробуя незнакомую пищу. К заведению дядюшки Ко он отнёсся с большим сомнением. Но лапша ему понравилась и через пару минут он уже заглатывал её с таким же аппетитом, как и его приятель.

— Для службы безопасности «Синджин Групп»... ничего невозможного нет... хоть человека найти... хоть информацию, — говорил он, втягивая лапшу и обжигаясь.

Потом заметил реакцию приятеля, оторвался от еды и объяснил:

— Что, только теперь понял, где ты окна мыл и в какой организации я работаю? Я тебе вчера пол вечера об этом твердил, а ты все от меня отмахивался и повторял, что работать на толстосумов никогда не будешь.

Тэ-хён переварил ответ, как будто пропустил его сквозь себя, словно фильтр, через который проходят не только слова, но и намерения.

— Сказал, значит так оно и есть, — буркнул он себе под нос. — Я лакеем никогда не был и не буду.

— Можно подумать в армии тебе прислуживать не приходилось.

— Так то в армии...

— И здесь ничем не хуже. И платят больше.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять — Пан-сок знает всё. То, что Тэ-хёну нечем гордиться, больше не было тайной. И это знание висело между ними, как тяжёлый комок сажи.

— Пожалел, значит, — пробормотал Тэ-хён, отворачиваясь с отвращением. — Вот не надо этого. Я тебя о жалости не просил. Спас, и на том спасибо.

Он знал, о чём думает сейчас его бывший сослуживец. Не такого Кан Тэ-хёна помнил Пан-сок по армии. Тогда тот был человеком с огнём в глазах — целеустремлённым, амбициозным, с той самой внутренней сталью, от которой даже окружение начинало верить в себя. Рядом с ним и сам Пан-сок чувствовал себя боевым офицером, а не просто штабной крысой.

Пан-сок поправил очки в дорогой чёрной оправе и снял пиджак. От горячей лапши в душном помещении стало жарко.

Тэ-хён оглянулся. В заведении дядюшки Ко его все знали. Сюда на завтрак или ужин обычно приходили только местные — сплошь трудяги и работяги в поношенных куртках и стоптанных кроссовках. Идеально отглаженная рубашка Пан-сока и его шёлковый галстук резко контрастировали с одеждой остальных, резали глаза своей чуждостью.

В очках и дорогом костюме он выглядел как офисный работник, никогда не видевший ничего грязнее исписанного листа. Но когда Пан-сок, игнорируя косые взгляды, закатал рукава белоснежной рубашки, Тэ-хён невольно отметил его жилистые руки. Да и весь он был подтянутым, спортивным — как настоящий боец.

Да, многое изменилось за эти годы. Тэ-хён оброс щетиной, потерял мышечный тонус и ясность взгляда, а Пан-сок, наоборот, стал воплощением боевого офицера — только не в форме, а в безупречном костюме. И это смущало ещё больше.

Неужели за последние годы так подкачался?!

— Жалость тут ни при чём, — спокойно ответил Пан-сок. — Ты выручишь меня, а я дам тебе возможность начать жизнь с чистого листа. Мне нужны люди. Не мальчишки с улицы, а настоящие специалисты. Тебя и учить ничему не надо — просто вернуть в форму.

— Не по адресу обратился. Я уже не тот.

Уже давно Тэ-хён жил без всяких перспектив. После того как его с позором выгнали из армии, его жизнь рухнула, как карточный домик. Он потерял любимое дело, ради которого жил. Расстался с женщиной, которую любил. Даже на время лишился свободы — по сфабрикованному делу. Он боролся, отстаивал честь и достоинство, но в итоге получил волчий билет. Армия закрыла перед ним двери, а больше он ничего не умел.

— Давай так, — предложил Пан-сок. — Ты принимаешь моё предложение. Я даю тебе месяц. За это время ты завязываешь с выпивкой, начинаешь тренировки, восстанавливаешь форму. Если через месяц не сдашь экзамен и не получишь лицензию — я сам выплачу твой долг и отпущу. Ни гроша не возьму. Но если сейчас откажешься — мы расстанемся прямо здесь навсегда. Как будто этой встречи и не было.

Тэ-хён промолчал. Возникло желание послать приятеля ко всем чертям, чтобы оставил его в покое там, где он есть — в уютном тумане беспомысленности от алкоголя. Но тоска засосала под ложечкой. Неужели его жизнь вот так и закончится — оборванным тросом где-то на дешёвых подработках или в пьяном угаре.

В итоге понадобился не месяц, а целых два на восстановление.

Тэ-хён втянулся и начал получать удовольствие от того, что его тело вновь зазвенело, стало сильным и послушным. Так интенсивно он не занимался, даже готовясь к поступлению в отряд специального назначения.

Пан-сок вцепился в него, как бульдог. Он настоял на увольнении из магазина, сам погасил часть долга в счёт будущего заработка, стал регулярно навещать Тэ-хёна, требовал строго следовать графику тренировок, не позволял напиваться по выходным, поддерживал, когда у Тэ-хёна опускались руки и он не верил в то, что у него что-то получится. За это время они по-настоящему сдружились и сблизились гораздо больше, чем в армии.

И когда Тэ-хён наконец получил заветный сертификат, подтвердив свои умения и навыки, Пан-сок объявил, что настал момент посетить имение Санбалам. Оказалось, что резюме и заявление Тэ-хёна на соискание должности, уже некоторое время лежали на столе у Председателя. Оставалось только пройти собеседование.

Тэ-хён хорошо запомнил свой первый визит в дом Председателя. Его не столько впечатлили размеры усадьбы и дом, выполненный в стиле позднего Чосона, сколько тишина и порядок, царившие в доме. Было такое ощущение, что все здесь ходили на цыпочках.

— Председатель не любит, когда шумно, — пояснил Пан-сок.

В тот день он выглядел особенно торжественно — строгий костюм, безупречно подогнанный, осанка выверена до мелочей, движения сдержанные, почти ритуальные. Ни жеста лишнего, ни дрожи в голосе — только холодная официальность, как печать на государственном указе.

Тэ-хён почувствовал, как по спине пробежал озноб. Кажется, ему предстояла встреча на самом высшем уровне.

Впечатлений и предощущений было так много, что он не мог сфокусироваться на деталях. Хорошо запомнил только холл возле парадного входа.

Огромное пространство, будто сотканное из воздуха и света, раскинулось перед ним во всю высоту двух этажей. От пола до потолка, словно древние стражи, возвышались два ряда колонн — цельные стволы сибирского кедра.

Яркий утренний свет из окон под самым потолком высветил на потемневшей древесине сеть естественных трещин, будто время само высекло на них свои иероглифы. Дерево дышало возрастом, и Тэ-хён на мгновение засомневался: действительно ли это новодел или же и правда, настоящий исторический памятник, переживший поздний Чосон, времена смуты и войну.

Неужели он попал не в частное поместье, а во дворец, где каждый камень шепчет преданиями?

У входа, вытянувшись по струнке, стояли двое охранников в строгой униформе. В холле слуги и горничные выстроились вдоль красной дорожки — молчаливые, неподвижные, с опущенными глазами, будто караульные у святых. Вокруг царила атмосфера храма.

Под потолком медленно покачивались гирлянды цветов и разноцветные фонарики, словно облака праздника. По углам горели свечи, в курительницах тлел сандал, наполняя воздух терпковатым благоуханием, а тихий перезвон колокольчиков будто призывал к молчанию и медитации.

Соллаль давно закончился, но праздник ещё не ушёл из этого места — он остался здесь, как воспоминание о свете среди зимних сумерек.

— Это... всё ради меня? — прошептал Тэ-хён, оглядываясь по сторонам с растерянностью человека, случайно попавшего на церемонию, к которой не был готов.

Пан-сок обернулся. В его взгляде мелькнуло удивление — будто он только сейчас заметил, что вокруг происходит нечто большее, чем просто рабочий день.

— А? Нет, конечно, — сказал он строго, почти беззвучно. — Ты не настолько важен. — Он сделал паузу, ещё понизив голос: — Сегодня провожают дочь Председателя. Она приезжала на праздники, а теперь возвращается в Европу. Все ждут, когда она выйдет.

Тэ-хён почувствовал, как напряжение в груди чуть ослабло — и тут же сменилось новым чувством: острым, непрошеным любопытством. Кто она, та, ради кого весь этот ритуал: строй слуг, благовония, фонарики? Ему представилась принцесса из старинного романа, уезжающая за море, оставляя после себя лишь отзвук шагов и шелест шёлка.

Он невольно всматривался в проёмы между колонн, надеясь застать тот момент, когда появится *она*. Но ничего так и не произошло. Вокруг царила тишина, только изредка нарушаемая звоном колокольчиков да скрипом паркета под ногами слуг. Пан-сок уже нетерпеливо кивал ему, торопя — задерживаться было нельзя. Ни секунды.

Но больше всего Тэ-хён запомнил в тот день не помпезный холл, не почтительные поклоны прислуги, не ожидание дочери Председателя, — а *дерево*.

Оно стояло посреди небольшого внутреннего дворика, некогда открытого небу, теперь превращённого в светлый, огороженный со всех сторон зал. Когда-то это был центр дома, его сердце, где встречались семьи, где дети бегали под дождём, а старшие рассказывали истории в прохладе под кроной. Теперь его окружали стены с проёмами дверей, ведущих в разные крылья особняка, а сверху защищал прозрачный стеклянный купол, собиравший солнечный свет, как чаша собирает воду.

Древний исполин крепко стоял на том же месте, где его сотню лет назад посадил заботливый хозяин — гигантское, корявое, словно вырезанное временем из камня растение. Его ствол, почерневший от лет, покрылся глубокими трещинами, словно кожа старца. Ветви раскинулись во все стороны, принимая под свою защиту всех обитателей этого дома, касались самого купола. И, казалось бы, оно давно должно было умереть — но по его коре ползли вьющиеся лианы, обвивая ствол, как зелёные жилы, а на изломанных сучьях, точно драгоценности, цвели орхидеи — белые, пурпурные, с лепестками, словно из фарфора.

Живо ли оно? Сложно было сказать. Но оно *присутствовало*.

Не просто стояло — наблюдало. Молчаливый свидетель истории. Хранитель рода. Оно пережило несколько поколений владельцев этого дома, видело их радости и скорби, предательства и возрождение. Под его сенью принимались решения, менялись судьбы, заключались сделки, что сотрясали рынки. И если бы оно могло говорить — каждая трещина в коре рассказала бы историю, достойную эпоса.

Тэ-хён замер. Впервые за долгое время он почувствовал не тревогу, не стыд, а благоговение. Перед возрастом и временем. Перед тем, что остаётся, когда люди уходят. Должно быть это дерево много значило для семьи, раз его постарались сохранить.

Но Тэ-хён сейчас думал не о семействе Чжин, о котором мало что знал. Это дерево стояло, словно живой укор ему самому — напоминание о том, что он, сильный и молодой, позволил себе сдаться.

— Пойдём, — раздался голос Пан-сока, резкий, как щелчок кнута. — Председатель не терпит, когда его заставляют ждать.

Тот уже стоял у двери в правое крыло, одна рука на ручке, взгляд был требовательный. Он ждал только Тэ-хёна.

Но тот ещё секунду не мог отвести глаз от дерева. Ему показалось, что оно чуть шевельнулось — или это лишь тень от облака, скользнувшего по куполу?

Он шагнул следом, чувствуя, как внутри что-то шевельнулось в ответ — что-то давнее, давно забытое. Долгое время он сам себе казался мёртвым. Но это было не так, и случай с оборвавшимся тросом на люльке только подтвердил это: он хотел жить.

Не просто дышать, не влачить жалкое существование, а *жить* — дышать полной грудью, до боли в мышцах, до дрожи в руках, до слёз от усталости и радости. Хотел снова стать кем-то. Нужным. Тем, кто смотрит в зеркало и не отводит глаз.

Хотел снова поверить в себя.

Эта работа — не просто шанс выплатить долг. Это возможность воскреснуть. Не ради славы. Не ради денег. А ради того, чтобы однажды сказать себе: *Я — тот же самый. Только сильнее.*

И он почувствовал, что готов попробовать.

Дверь закрылась за ними с мягким щелчком, будто отгораживая прошлое от настоящего. Коридор, в который они вошли, был узким, выстланным тёмным деревом, полированным до зеркального блеска. Свет падал неярко — из редких светильников в виде фонариков ханок — рассеянный, тёплый, почти ласковый. По стенам — ни картин, ни украшений. Только тень, скользкая впереди, да шаги, гаснущие в глубине пола.

— Здесь, — прошептал Пан-сок, останавливаясь у двери в конце коридора.

Она была простой — из тёмного чому, без ручки, с едва заметным углублением для отпечатка пальца. Ни таблички, ни знаков. Лишь на уровне глаз — вырезан один иероглиф: # (*джон* — «тишина»).

Пан-сок одёрнул на себе пиджак и вытянулся в струнку.

— Соискатель на место телохранителя Кан Тэ-хён прибыл, господин...

Тэ-хён замер. Сердце ударило сильнее. Он вдруг понял: это не просто собеседование. Это испытание. И Председатель Чжин, возможно, уже знает о нём больше, чем он сам о себе.

Пан-сок коснулся углубления. Дверь бесшумно отъехала в сторону.

Комната оказалась просторной, но не парадной. Скорее — медитативной. Рабочий кабинет и место для уединения и размышлений одновременно.

Большие окна справа, завешенные полупрозрачными занавесями, сквозь которые лился мягкий утренний свет, выходили в сад, по-зимнему тихий и сонный. Изящные перегородки слева отгораживали вторую часть кабинета, предназначенную для частного общения. Маленький чайный столик с сервизом на две персоны и несколько шёлковых подушек на полу — всё, что Тэ-хён успел заметить.

Взор его устремился вперёд, где у массивного письменного стола их ожидал высокий, сухопарый человек с резкими чертами лица. В нём чувствовалась упругая сила, как у старого меча, давно заточенного для боя.

Едва дверь открылась, Пан-сок вошёл в кабинет и по-военному чётким шагом направился к центру комнаты. Ковёр глушил его шаги, а взгляд начальника личной охраны был опущен. Пока Тэ-хён следовал за ним и озирался по сторонам, Пан-сок приступил к представлению.

— Господин... — начал было он, но поднял взгляд, и голос его осёкся.

Мужчина у стола резко вскинул руку — короткий, почти воинский жест, останавливающий Пан-сока на полуслове. Рукав дорогого костюма отъехал, обнажив запястье, и на мгновение вспыхнули часы: не просто аксессуар, а коллекционный экземпляр, тихо говорящий о вкусе, власти и времени, которое этот человек умеет измерять не минутами, а судьбами.

— Довольно, — произнёс он. Голос его — холодный, как лезвие ножа, резал так же жёстко, не оставляя сомнений. — Обойдёмся без представлений. Пусть говорит сам.

Пан-сок замер. Глотнул воздух, как будто проглатывая слова, и отступил — на шаг, потом ещё на полшага в сторону. В центре комнаты остался только Тэ-хён — один на один с человеком, чей взгляд чувствовался физически, словно давление на плечи.

Тэ-хён не стал вытягиваться. Только чуть поднял подбородок. Из чистого упрямства. И взглянул прямо на высокого господина. Отметив за его спиной над рабочим столом портрет в полный рост — старик с резкими чертами лица в форме высокопоставленного чиновника времён японского протектората.

В его чертах не было ничего общего с тем человеком, которого он сейчас перед собой видел.

«Не знал, что у Председателя есть японские корни, — подумал он. — Этот портрет явно не просто так висит в его кабинете».

Высокий, жилистый, с кожей, натянутой на скулы, будто он всю жизнь жил на голодном пайке, но при этом — с глазами, в которых читалась сытость власти. Он не смотрел на Тэ-хёна. Он *оценивал*, как оценивают старое оружие — годно ли оно к употреблению.

Тэ-хёну этот человек сразу не понравился. Было в нём что-то... криминальное. Словно перед ним стоял не патриарх рода, а пёс войны, отвоевавший своё место зубами и кровью. От таких людей пахло не только властью, но и застарелым холодом тюремных камер или пороховой гарью. Этим никого не жалко — ни своих, ни чужих. И этому человеку Пан-сок подчиняется? И ему предлагает служить?

Тэ-хён подавил волну раздражения. Перед внутренним взором встало дерево под стеклянным куполом — древнее, побелевшее, но покрытое цветами. Оно выжило. Выстояло даже под пожарами, даже избежало топора дровосека. Он тоже сможет.

— Представьтесь, — произнёс господин, будто бы мягко. Но в каждом звуке его голоса чувствовалась насмешка — над формальностью, над ним самим.

— Кан Тэ-хён, — ответил он коротко. — Бывший капитан спецназа. Уволен по статье. Теперь — охранник на складе в магазине. Но вам это и так известно.

Он давно заметил приготовленную заранее папку на столе — его личное дело. Она была не тоненькой. Значит его уже проверяли.

Господин чуть приподнял бровь, но остался бесстрастен. Он взял папку со стола и демонстративно покрутил её в руках, как будто взвешивал не бумаги, а судьбу.

— Почти всё, — сказал он. — И про вашу судимость, и про ваши «подвиги» за последнее время. И про то, как вы «задержали» вора. Полка с коньяком так «удачно» упала. Удачно для вас, но неудачно для хозяина. Знаю и про долг. Как вы занимали денег у бандитов...

Тэ-хён усмехнулся. Взгляд его стал холодным, как сталь на морозе.

— Ну, если это все «подвиги», о которых удалось узнать вашим ищейкам, — перебил он, — то грош цена вашему отделу безопасности. Мой путь был куда длиннее, чем прогулка от ворот колонии до склада. А что до полки... Я не просто предупреждал, я завалил хозяина рапортами. Но в вашем мире проще списать человека, чем признать неисправность креплений. Вы ведь тоже так делаете, когда нужно найти козла отпущения?

Тишина повисла, как занавес перед казнью. Пан-сок побледнел, не понимая, что происходит. Он переводил взгляд с одного на другого, не понимая, что Тэ-хён делает? Почему губит себя с ходу? Он дерзил, намеренно бросая вызов, словно уже распрощался с возможностью получить это место.

Господин у стола даже не дрогнул. Только медленно положил папку обратно.

— Вы резки. Горды. Непокорны. Это плохо для телохранителя. Но... интересно. Почему вы выбрали эту работу? Только чтобы выплатить долг?

— Чтобы не быть ничьим рабом, — сказал Тэ-хён. — Если уж быть у кого-то в услужении, пусть это будет человек, способный хоть на каплю чести.

Мужчина у стола медленно поднял взгляд. На мгновение в его глазах вспыхнул холодный, колющий огонёк — так смотрят люди, которым только что наступили на старую мозоль.

Честь? В этом доме само слово казалось антиквариатом, таким же пыльным, как мебель в холле. Его пальцы, лежавшие на папке, едва заметно напряглись, но лицо осталось неподвижным, словно вырезанным из дерева.

— Честь — дорогой товар, Кан Тэ-хён, — произнёс он, и в его голосе проскользнула едва уловимая, сухая усмешка. — Особенно для того, у кого в карманах ветер, а в биографии — тюремное клеймо. Благородство — миф. Его невозможно измерить деньгами. Вы либо продаёте свои умения и навыки, либо сидите в подвале со своей честью.

Тэ-хён посмотрел на него сверху вниз, хотя они были одного роста. В его взгляде не было злости — только спокойное, почти безразличное понимание.

— Вы ошибаетесь, — произнёс он негромко, но так, что голос заполнил всё пространство кабинета. — Честь и благородство не продаются. Их нельзя выставить на аукцион или обменять на сытую жизнь, потому что это не товар. Это то, что либо течёт у тебя в крови, либо чего в тебе нет вовсе. Можно купить преданность, можно купить молчание, можно купить даже чью-то жизнь... Но благородство не купишь. Если человек внутри пуст, никакие миллионы вон не заполнят эту дыру.

Он сделал паузу, и его усмешка стала почти сочувственной.

— Я лучше буду сидеть в подвале, зная, кто я такой, чем стану чьей-то тенью, забывшей собственное имя.

Пан-сок за его спиной, казалось, перестал дышать. Он понимал: Тэ-хён сейчас не просто хамит — он бьёт наотмашь по самому больному, по самой сути этого дома.

Человек напротив Тэ-хёна помрачнел и сжал челюсть. чуть наклонив голову, словно прислушиваясь к внутреннему голосу, призывавшему его немедленно выгнать этого зазнавшегося пройдоху, и продолжил, уже жестче:

— Сдается мне, вы гордитесь тем, что настояли на своем? Пойди вы на мировую с хозяином магазина, и штраф был бы меньше. Но вы предпочли гордость... и дно. Это ваш выбор? Боюсь, что человек, окончательно пропивший свои навыки на складе нам не подходит. Ступайте туда, где полки сами падают на вора, чтобы вы могли считаться умелым охранником.

Тэ-хён не шелохнулся под этим ледяным душем издевательств. Слова о «пропитых навыках» должны были обжечь, но они лишь окончательно успокоили его. Когда тебя списывают со счетов, ты становишься по-настоящему опасным — ведь тебе больше нечего терять.

— Ступайте, — повторил Чо, уже не скрывая брезгливости. — Нам нужны те, кто умеет предотвращать проблемы, а не оправдывать их своей высокой моралью.

Тэ-хён чётко, по-военному щёлкнул каблуками.

— О навыках не беспокойтесь, — бросил напоследок. — Спецназ — это не езда на велосипеде. Это инстинкты. И мой инстинкт сейчас говорит мне, что вы ищете не охранника. Вам нужен манекен, который будет красиво молчать, пока вы ведете свои игры.

Босс резко вскинул голову, и в этом движении проскользнула мощь хищника.

— Раз так... Раз вы так уверены в своих инстинктах, — голос его стал вкрадчивым, — ответьте мне на один вопрос. Прежде чем я вышвырну вас вон. Основная задача телохранителя?

— Обеспечение безопасности жизни и здоровья объекта, — отчеканил Тэ-хён.

— Методы?

— Как вы этого собираетесь добиваться? — мужчина смотрел на него в упор, не давая времени на раздумья.

— Захватом инициативы, — без колебаний выдал Тэ-хён. — Подавлением воли потенциального противника и полным контролем над «красной зоной». Телохранитель не ждёт нападения, он диктует свои условия пространству. Если нужно — путём создания эшелонированной обороны или превентивного удара.

Интервьюер скривился, будто раскусил лимон.

— «Превентивный удар»? «Подавление воли»? Кан Тэ-хён, вы не в рейде по тылам врага. Ваша задача — быть невидимым. Раствориться в воздухе, а не превращать светский раут в зону антитеррористической операции. Телохранитель — это тишина. А вы предлагаете грохот сапог. Здесь нет «поля боя», здесь есть иерархия. Телохранитель — это функция. Беспрекословное исполнение алгоритма, заложенного службой безопасности. Самодеятельность здесь — кратчайший путь к увольнению... или к похоронам.

Он сделал паузу, переходя на ядовитый шепот:

— А что, если ваш «автономный» порыв не понравится клиенту? Если он вдруг развернётся и побежит в толпу, ломая все ваши схемы? Сможете заставить его подчиниться вашей «боевой единице»? Или просто побежите следом, как собачонка на поводке?

Тэ-хён не отвел взгляда. Каждое слово он ронял, будто гильзу на бетонный пол.

— Если собака на поводке просто бежит следом, она — балласт. Если щит ждёт приказа, чтобы прикрыть брешь, — он уже пробит. Я не продаю послушание. Если объекту нужен тот, кто будет молча подавать зонтик и кивать на каждый каприз, — ищите лакея. Моё решение в зоне риска — закон. Иначе в моей работе нет смысла.

В кабинете воцарилась тишина. На этот раз — абсолютная, густая, как в барокамере перед пуском. Тот, кто стоял у стола, медленно прищурился. В этом взгляде уже не было брезг-

ливости — скорее, любопытство хирурга, обнаружившего, что опухоль умеет огрызаться. Уголок его губ дрогнул в едва уловимой ухмылке.

— Похоже, вы не очень хотите эту работу, Кан Тэ-хён.

— Напротив, — Тэ-хён взглянул прямо в глаза, без вызова, но и без тени смирения. — Именно потому, что хочу, я говорю это сейчас. Я не обещаю угождать. Я обещаю выживание. И если клиент не готов платить за него дисциплиной — пусть ищет клоуна в дорогом костюме.

Он выдержал секундную паузу, давая словам осесть.

— Если вопросов больше нет, могу идти?

Он уже предчувствовал как выйдет за дверь, как коснётся ручки, готовый шагнуть в коридор и навсегда оставить этот «аквариум» позади. И Пан-сок, побледневший и потерянный, молча склонил голову, подчиняясь негласному приказу босса — выпроводить наглеца вон, — уже молча склонил голову. Он *почувствовал*.

Запах.

Дорогие сигары. Кубинские. С древесным, пряным ароматом, с тем благородным оттенком табачного дыма, который не забывается. И ещё что-то. Неуловимое.

И тут же — молниеносный анализ: человек у стола не курит сигары. Тэ-хён видел его пальцы с характерной желтизной от крепкого никотина. Дешёвые сигареты без фильтра, по пачке в день — вот была его настоящая натура, которую не мог скрыть даже безупречный крой костюма. Привычка — предательская штука, она всегда выдает происхождение.

Тот, кто только что вершил его судьбу, не был и не мог быть главой конгломерата. Это был лишь заслон. В комнате находился кто-то ещё.

И, прежде чем Тэ-хён чётко развернулся через левое плечо и резким щелчком каблуков поставил точку в этом фарсе, из-за перегородки раздался тихий стук.

Два удара. Как приказ.

Человек у стола замер. Посмотрел на Тэ-хёна — и впервые за время встречи в его глазах мелькнуло нечто, похожее на признание. В следующее мгновение он опустил взгляд и смиренно шагнул в сторону.

— Закрой дверь, — голос — тихий, но такой плотный, что вибрировал в воздухе, как струна каягыма.

Пан-сок повиновался и тихо прикрыл дверь, оставшись стоять возле неё, в ожидании нового приказа.

На сцену вышел невысокий, плотного телосложения старик. Чуть подволакивая правую ногу, опираясь на трость, он неспешно вышел из-за перегородки. И хотя тело его выглядело измождённым годами, в нём чувствовалась неоспоримая сила. Как у древнего дуба, чьи корни уходят в скалу.

— Не спеши, Чо Тэ-сан, — проговорил он дружелюбно, но с покровительственной интонацией, похлопав помощника по плечу. Чо склонился перед ним.

Председатель (теперь Тэ-хён не сомневался, что перед ним это именно он) без суеты прошёл к своему месту и разместился за столом. И только теперь Тэ-хён увидел его лицо.

Не старое. *Прожитое*. Морщины у глаз, седые виски, взгляд спокойный, но проникающий, как зимний свет.

— Так это вы, Кан Тэ-хён? — произнёс он отдельно. И окинул соискателя взглядом.

— Хм, мне много про вас говорили. Пан-сок и... — он не договорил, предпочтя умолчать все детали. — Кое-кто отговаривал меня принимать вашу кандидатуру. Так скажите мне, почему я должен взять вас на эту работу? Что в вас такого, что делает вас лучше других?

Тэ-хён склонил голову. Выдержал паузу.

— Вы верно подметили, господин Председатель, — голос Тэ-хёна звучал ровно, без попытки понравиться. — Я не лучше других. Возможно, я даже хуже — у меня за спиной

тюрьма и два года на дне. На любую силу найдется большая, так что торговать мышцами я не стану.

Он поднял взгляд, прямо и жестко:

— Но у меня есть то, чего нет у «чистых» кандидатов. Мне некуда отступать. Для меня эта работа — не карьерная ступень, а единственный мост над пропастью. И я не дам ему рухнуть. Не ради престижа или денег — а потому, что за меня поручился Пан-сок. Единственный человек, который поставил на кон свою репутацию ради меня.

Тэ-хён сделал короткую паузу, чеканя слова:

— Вы ищете надежность? Надежнее всего тот, кому нечего терять, кроме чести своего друга. Если Пан-сок сказал, что я справлюсь — значит, я сверну горы, чтобы его слова не оказались ложью. Я предлагаю вам не просто навыки. Я предлагаю абсолютную лояльность, замешанную на яростном желании выжить.

Чжин До-джун долго смотрел на него сквозь толстые стёкла очков. Бесстрастно. Как будто взвешивал на ладони не слова, а саму сталь, из которой был отлит этот человек.

Потом медленно произнёс:

— Ты видел дерево?

Это был не вопрос.

— Да, — ответил Тэ-хён, чувствуя, как пересыхает горло.

— Оно стоит здесь сто семьдесят три года, — продолжил Председатель. — В 1950 его почти уничтожили — во время войны дом горел, и дерево тоже вспыхнуло. Все думали — конец. Но через год оно дало побег. Один-единственный. Из обугленного ствола.

Он сделал паузу, глядя в сад.

— Оно не стало таким, как прежде. Но *выжило*. Пламя выжгло слабое. Однако в его корнях ещё теплилась жизнь. Она и дала силы для нового роста.

Тэ-хён слушал, не дыша.

— Люди думают, что сила — в том, чтобы никогда не падать, — тихо сказал Председатель Чжин. — Но настоящая сила — в том, чтобы подниматься снова и снова. Даже если ты больше не тот, кем был. Даже если ты треснул. Главное — чтобы внутри ещё теплилась жизнь.

Тэ-хён понял, что Председатель знает всё. Не только обычные строки, что пишут во всех резюме. Он знал всё, через что Тэ-хён прошёл, и не судит его, а проверяет, чтобы дать шанс.

Председатель перевёл на него взгляд.

— Ты чувствуешь её? Жизнь?

Тэ-хён опустил глаза. Перед внутренним взором снова встало дерево — тёмное, израненное, но покрытое цветами. Орхидеи на мёртвых ветвях. Жизнь, цепляющаяся за разрушение.

— Да, — прошептал он.

И впервые за долгое время это слово прозвучало не как ложь.

Господин Чжин кивнул. Едва заметно. Как будто принял решение.

— Тогда работай. Не для меня. Не для Пан-сока. Для себя. Чтобы однажды ты смог стоять под своим куполом, и знать, что ты *жив*.

— Но, господин Председатель... — осмелился возразить господин Чо Тэ-сан. — Этот человек...

— Ты же мне сам сказал, что проверил его. Так какие ещё у тебя есть возражения? Ты выделил его среди всех других соискателей и сам поставил в вершину списка, значит этот человек чем-то привлёк твое внимание. Так почему ты изменил свое мнение?

Чо Тэ-сан растеряно обернулся. Кажется, что-то в словах Председателя вызвало его недоумение.

— Я не... — Он осёкся и посмотрел на начальника охраны Квон Пан-сока, который с застывшим лицом ждал у двери. Потом выдохнул и отказался от претензий. Сказал, уже совсем другим тоном, — Этот человек слишком дерзок. Он не годится для такой работы.

— Дерзость! Кто из нас не был слишком дерзок в молодости? Разве и ты, и я достигли бы того, чего достигли, если бы не обладали такой же дерзостью? Бойся того, кто льстит тебе в глаза, пряча своё мнение. Этот парень говорит, что думает. Это хороший знак. Пусть попробует. А теперь идите. Мне пора проводить дочь.

Господин Чо Тэ-сан склонил голову. Аудиенция была окончена. Пан-сок потянул приятеля к выходу. Тэ-хён ещё раз низко поклонился и последовал за ним.

По пути он думал: о ком говорил Председатель, когда сказал, что его *отговаривали* принять нового телохранителя? Не похоже, что он имел в виду Чо Тэ-сана. С кем ещё он обсуждал его кандидатуру?

За терпким дымом сигары, которую курил господин Чжин, в кабинете он уловил шлейф, который никак не мог принадлежать мужчине. Это был густой, смолянистый аромат — тяжёлый и плотный, он не летал в воздухе, а словно оседал на коже. Тэ-хён не знал названий этих масел, но его мозг моментально зафиксировал это сочетание: странный, почти лекарственный холод камфоры, пробивающийся сквозь запах тлеющего старого дерева.

Ему вспомнился старый буддийский храм в горах, где он бывал в детстве: там так же пахло древней древесиной и горькими травами.

Этот запах... благовония? Или... женщина?

Он был слишком величественным и пугающе чужим для обычных духов. Но на столе стояли две чашки с чаем, и вряд ли Председатель делил этот момент со своим помощником — начальником службы безопасности.

Как будто кто-то ещё был там, за ширмой. Незримый, но внимательный.

Запах интриговал и тревожил его одновременно — так пахнет не просто женщина, а сама власть, спрятанная за чужой спиной.

Тэ-хён припомнил — тогда он был словно опьянён открывшейся возможностью. Эйфория была через край: он прошёл испытание. Остался на плаву. Его не прогнали. Более того — ему *поверили*. Даже ворчливые замечания Пан-сока скользили мимо, как капли по стеклу.

— Выпить хочу, — выдохнул он тогда, забыв, где находится. В голове шумело, сердце колотилось, как будто он только что переплыл реку под обстрелом.

— С ума сошёл? — Пан-сок покачал головой, но в глазах блеснуло понимание. — Ты же мне обещал ни капли. Хотя... если честно, я бы сам сейчас не отказался. — Он взглянул на приятеля, и уголки губ дрогнули. — Ну и заставил же ты меня понервничать, приятель...

Но пока у Пан-сока было много рутинной работы, он не мог вырваться со службы.

Договорились отметить назначение Тэ-хёна, когда все формальности будут выполнены. Встретиться где-нибудь за стаканом... нет, не соджу... Такое событие требовало более основательной подготовки и чего-то большего, чем соджу. Чего-то благородного. Виски. Коньяк. Что-то, что пьют люди, которые знают разницу между работой и призванием.

Пан-сок пообещал отвезти его в такое место, где тот точно никогда не бывал — тихое, без вывесок, за чертой города, куда попадают только по доверенному слову.

А пока — дело. Тэ-хёну ещё предстояло пройти окончательную проверку и оформление.

Пан-сок повёл его куда-то вглубь дома, но Тэ-хёна всё ещё манил центральный холл. Ему было интересно, кто же она — дочь Председателя. И не её ли духи он так отчётливо ощутил в кабинете сквозь запах сигар?

Мысль промелькнула и исчезла, но ощущение осталось: в том кабинете за ширмой Председатель был не один. Кто-то ещё слушал каждое его слово. И он готов был руку отдать на отсечение — там была женщина.

И сейчас он хотел хоть одним глазком увидеть её. Но Пан-сок неумолимо тянул его на служебную часть дома.

За неделю была проведена соответствующая проверка Тэ-хёна. За это время оформили договор найма — короткий, юридически безупречный; сделали для нового работника пропуск с чипом и фотографией, где Тэ-хён выглядел сурово, почти чуждо. А также сняли с него мерки и сшили специально для него новую форму, которая теперь должна была стать его официальной одеждой.

— Теперь ты в команде, — сказал Пан-сок, вручая ему пропуск. — Смотри, не подведи.

Тэ-хён кивнул. Он понимал ответственность. Конечно. Сам же говорил Председателю, ради чего идёт на эту работу — ради долга перед другом, ради шанса начать снова. Но теперь, в этой новой форме, с этим пропуском на груди, все слова будто растворились. Голова была занята другим.

Он представлял, как расскажет родителям. Как их глаза загорятся — не жалостью, а *гордостью*. Как мать заплачет, а отец, сдерживая улыбку, скажет: «Ну, слава богу, сын вернулся». Он видел себя в строгом костюме, как у Пан-сока, в затемнённых очках, с наушником в ухе, со сжатым подбородком. Видел, как выходит из машины сопровождения Председателя, как его взгляд скользит по толпе, высматривая угрозу, как он делает шаг вперёд — закрывая собой человека, который теперь стал его задачей.

«*Это будет круто*», — подумал он, но как-то без особого энтузиазма, и напомнил Пан-соку про его обещание. Именно тогда Пан-сок отвел его в бар в порту, который и стал причиной задержки Тэ-хёна и его не очень «свежего» вида поутру.

* * *

Эта неделя тянулась мучительно долго — в ожидании окончательного звонка, в примерках, в оформлении бумаг. Но вчера всё решилось. В офисе «Синджин» был подписан контракт.

Официально он вступал в силу первого марта. Что само по себе было символично. Это было начало весны, начало новой главы его жизни. Но Пан-сок, по своей вечной привычке перестраховываться, настоял, чтобы Тэ-хён вступил в должность на день раньше и прибыл в усадьбу накануне вечером.

«Приедешь, осмотришься, обживешься», — ворчал он.

Это был идеальный план: заселиться вечером в комнату для охраны, чтобы с утра начать осваиваться. Тихий вечер для ознакомления с инструкциями, которые подготовил для него дотошный Пан-сок, и спокойный день на освоение территории, прежде чем приступить к исполнению непосредственных обязанностей.

Но Тэ-хён не был бы собой, если бы не превратил эту фору в возможность для последнего демарша. Вместо того чтобы обживаться в Санбаламе, он накануне застрял в баре. В итоге прибыл в поместье на рассвете, едва не опоздав к началу смены. И осваиваться пришлось на бегу, а обживаться — за те полчаса, что он провёл под ледяным душем, пытаясь изгнать из головы шум вчерашнего хмеля.

Тут было не до инструкций. Папка Пан-сока так и осталась лежать нетронутой — ярким зелёным пятном на покрывале.

Он обещал прочесть файлы до начала смены. Но, как это обычно бывает, «до» так и не наступило. Тэ-хён только скользнул взглядом по пухлой папке с материалами. Фотографии, досье, схемы передвижения... Слишком много букв для человека, который ещё вчера планировал пропить остатки жизни. И забросил папку в пустой ящик прикроватной тумбочки.

— Прости, Пан-сок, почитаю на досуге. Если этот досуг наступит раньше, чем меня уволят, — легкомысленно бросил он в пустоту комнаты.

И теперь эта папка лежала там одна — пока что единственная вещь, которой он разжился в новой жизни.

Пан-сок всегда был занудой: штабная закалка превратила его в ходячую инструкцию. А Тэ-хён? Тэ-хён верил в импровизацию. Зачем зазубривать лица хозяев, если можно просто улыбаться всем, кто выглядит достаточно дорого?

К тому же он не доверял чужим характеристикам, предпочитая самостоятельно составлять мнение о человеке. И ощущение «чистого листа» его не пугало. Наоборот, оно пьянило похлеще макколи. Как будто его снова забросили в стан врага, где он должен освоиться на месте и сразу начать действовать.

Импровизация всегда была его коньком в спецназе. А главное он уже знал — как выглядит хозяин всего этого места, господин Чжин До-джун. Остальное казалось ему не столь важным.

Тэ-хён оглянулся. Предоставленная ему комната, как и комнаты других рядовых охранников находилась под самой крышей и была рассчитана на двоих.

С соседом по комнате он был пока не знаком. Видимо, тот воспользовался выходным и уехал в город. Его кровать стояла у противоположной стены — аккуратно застеленная, как в армии. Это понравилось Тэ-хёну. Значит, человек ответственный. Хорошо. Он всегда ценил опрятность — не важно, была ли она от характера или от привычки.

Помещение было скромных размеров, каждый метр был распределён с расчётом на функциональность. Две кровати, узкий гардероб, стол под окном, пара стульев и зеркало.

Обстановка почти казённая — строгая, без излишеств. Но даже здесь богатство просачивалось через трещины. Стены были выкрашены в тёмно-синий цвет — благородный, немаркий, почти аристократический. Белые оконные рамы и мебель смотрелись на их фоне свежо, почти празднично. А бронзовые ручки на дверях... Ох, эти ручки! Такие же потёртые, как будто их специально состарили, чтобы создать ощущение старины.

Тэ-хён невольно усмехнулся над этим пафосом. Богачи остаются богачами: им важно казаться исключительными даже там, где их никто не видит.

А ему не привыкать. Полжизни проведено в казармах, где личное пространство измерялось в сантиметрах, а ещё часть — в местах, где личного ничего не было вообще. Уют для него — это воспоминание о родительском доме, который он покинул слишком рано. Общий с Ын-ми дом напоминал скорее театральную гримёрку, где царил артистический беспорядок, рассчитанный на эффект, постоянная суматоха, и ни одного предмета, который бы говорил о настоящем доме.

Эта комната — идеально подходила его образу жизни. Ничего лишнего. Только необходимое. Пришёл, переоделся, отдохнул — и снова в бой.

Вот только вчерашняя попойка всё ещё давала о себе знать. Маленькое зеркало напомнило ему: *ты здесь либо надолго, либо до первого серьёзного косяка*. Тэ-хён надеялся на второе — так было бы проще.

Он потёр виски. В голове мелькнула мысль: *а чувствует ли Пан-сок то же самое?* Надеялся, что да. Хоть в этом они были бы равны. Оба — с болью в голове, но с надеждой в груди. Было бы обидно страдать одному в такой день.

А ещё обидно было, что приятель свалил раньше. Бросил его одного. И какая муха его укусила?

Как провёл остаток вечера Пан-сок, Тэ-хён не знал. Они расстались на самом интересном месте, и ему пришлось развлекаться до конца ночи... в компании одной симпатичной девушки, которая почему-то решила, что он романтический герой, а не бывший военный с пятном в прошлом.

И сейчас, красуясь перед зеркалом, он пытался поймать тот настрой, который поможет ему провести первый день на работе безупречно.

Но взгляд его всё ещё таил тревогу. Сколько бы он ни старался держаться уверенно, ни напускал на себя вид человека, нашедшего своё призвание, — внутри затаилась глухая неуверенность. Он чувствовал себя чужим — будто ступил на чужую землю, где не знаешь ни дорог, ни языка. И это ощущение не покидало его — ни во время тренировок, ни в холле перед деревом, ни сейчас перед зеркалом, где отражался не тот человек, которым он когда-то был.

Не было в нём того огня, что обычно играет в глазах у тех, кому открывается шанс начать заново. Не было даже слабого намёка на воодушевление. Просто необходимость. Он согласился на эту работу потому, что выбора у него больше не было. Его положение стало безнадёжным, а гордость уже давно истёрлась до невесомой оболочки.

За его спиной, в том же зеркале, отражалась кровать — узкая, аккуратно застеленная. По слухам, до него она принадлежала парню, который недавно погиб при исполнении. Тэ-хён не знал его, но каждый раз, подходя к этой койке, чувствовал, как холодок скользит по затылку.

Профессия у него теперь была не такая уж безобидная, как он думал раньше. Но, может, и к лучшему. Лучше рисковать жизнью в стенах особняка, чем получить нож под рёбра от какого-нибудь недоумка, охраняя товар за гроши на задворках забытого богом склада.

После предшественника остался кое-какой мелкий хлам, который уборщица не заметила или просто не сочла нужным убрать. Обёртки от конфет в тумбочке, старый билет на футбол, выпавший из кармана на дно гардероба... Такие вот следы жизни, которые остаются после человека, даже если он больше не вернётся.

Интересно, какие следы останутся после него?

Тэ-хён часто задавался этим вопросом в армии, когда помогал собирать вещи погибших товарищей перед отправкой их родственникам. Что говорит о человеке то, что он оставил за собой? Были ли это молчаливые свидетели присутствия в его жизни интереса? Отражали ли они надежды и мечты человека? Или просто означали привычку не выбрасывать мусор?

Он взглянул на зеркало и щёлкнул пальцем по вкладышу от жевательной резинки — «Love is...». Листок был спрятан под рамой, будто специально оставленный кем-то на память. На нём было написано:

«Любовь — это когда преодолеваешь различия».

Губы Тэ-хёна скривились в лёгкой усмешке. Как наивно. Но как больно правдиво.

С Ын-ми они казались идеальной парой. Оба высокие, красивые, полные света и надежд. Гастролеры, пусть и разного жанра. Но жизнь показала, что внешняя гармония — обманчивая штука. Когда настоящий удар пришёл, их отношения не выдержали.

Не было ни ссор, ни криков. Ын-ми просто от него ушла, как будто и не было восьми лет совместной жизни. И любовь, какой бы красивой она ни была, не смогла заполнить пропасть, образовавшуюся между двумя жизнями. И это стало последним ударом, от которого, как он думал, что уже не оправится.

Рука сама потянулась к вкладышу — хотелось убрать его. Удалить чужую наивность. Но он остановился. Возможно, кто-то оставил его здесь неспроста — как память или предостережение. Может быть, как напоминание о том, что желания людей редко сбываются. А иногда и вовсе оборачиваются тенью прошлого.

Ему было не просто это сделать, но он отпустил Ын-ми. Прошлое больше не связывало их. У каждого теперь свой путь.

И Тэ-хён оставил всё как есть.

Пора было начинать новую главу.

Но где-то внутри ещё шевелился ехидный голосок: *Кому ты врёшь? Надолго ли тебя хватит?*

Он пообещал Пан-соку стараться, и он будет — ровно до тех пор, пока эта роскошная декорация под названием «Синджин Групп» не вышвырнет его обратно на помойку.

А если вышвырнет? Что ж, дно стакана с макколи всегда на месте, и оно гораздо уютнее этого пафосного особняка.

Он стряхнул грустные мысли, как пыль с пиджака, и подмигнул своему отражению. Затем примерил солнцезащитные очки — модные, с тонкой оправой. Они скрывали уставшие глаза и немного опухшие веки.

Сложив пальцы «пистолетом», он прицелился в воображаемого врага, дважды «выстрелил» и театрально дунул на дуло.

— Меня зовут Бонд, — прошептал он. — Джеймс Бонд.

Настоящего оружия, к сожалению, носить не разрешалось. Но и без него он выглядел в своих собственных глазах эффектно: высокий для корейца, подтянутый, с опасной пружинистостью в движениях.

— Ну что, поиграем в серьёзного человека? — шепнул он себе, надевая тёмные очки, и слегка пританцовывая, направился к двери.

В голове настойчиво крутился старый хит Тома Джонса, о буквально магнетической сексуальности, и он мысленно подпевал в такт шагам «*Sexbomb, sexbomb...*», чувствуя, как бесшабашный мотив стирает напрочь все его тревоги и сомнения.

Глава 2. Портовый бар

Тэ-хён спускался по узкой служебной лестнице, чувствуя, как каждый шаг отдаляет его от вчерашнего дня. Это был первый день новой жизни — начало работы в доме Председателя Чжина. Надо быть внимательным.

Воздух между этажами был плотным, наэлектризованным скрытой энергией. Камеры в углах поворотов плавно сопровождали его движение, едва слышно жужжа. Сенсоры мгновенно распознавали его пропуск. Он знал: стоит ему пожелать — и любая дверь в боковом коридоре откроется.

У охраны был доступ почти ко всем помещениям. Только на «господскую» территорию вход был строго запрещён без необходимости. Господа не любили, когда чужие своим присутствием нарушали их покой. Их можно было понять: трудно чувствовать себя дома, если вокруг постоянно снуют слуги. Там, за невидимым барьером, тишина становилась ещё гуще, а воздух — чище, словно его фильтровали через шёлк.

Тэ-хён не пытался проверить, сработает ли пропуск в запретные зоны. Он просто замечал всё, что могло иметь значение: расположение камер, толщину стен, конфигурацию дверей и режим работы датчиков. Пусть он и говорил о себе скромно, навыки за десять лет службы в спецподразделении он не растерял. Он умел чётко ориентироваться в пространстве и мгновенно оценивать обстановку. Уровень безопасности в доме Председателя Чжина был исключительным.

Дом, пусть и выглядел как живой памятник истории, а не как дворец миллиардера, был напичкан самым современным оборудованием — системами слежения, биометрическими сканерами, искусственным интеллектом. Безопасность работала как нервная система: распознавала «своих» и «чужих», реагировала на малейшие изменения. Иногда становилось по-настоящему жутко от такой тотальной слежки.

Впрочем, все происходило тихо и незаметно для непосвящённых. Большинство слуг, скорее всего, даже не подозревали о масштабах этой системы. Их безопасность зависела только от безупречного поведения.

Дойдя до цокольного этажа, Тэ-хён оказался перед стальной дверью. За нею находился зал мониторинга — центральная нервная система всего поместья. Доступ сюда был строго ограничен, но Тэ-хён, как сотрудник этой системы, призванный реагировать на все ее сигналы, имел ключ доступа. Пан-сок сам накануне проводил его сюда, чтобы познакомить с этим местом в первую очередь.

Одно прикосновение к датчику пропуском и дверь открылась. Тэ-хён смело вошел в помещение. Здесь царил полумрак, освещение давали лишь десятки мониторов, выстроенных на столах и покрывавших целую стену единым экраном, то распадавшимся на фрагменты, то собирающимся в общую картину. Камеры отслеживали каждый угол поместья: сады, галереи, подземные переходы, служебные помещения — везде, кроме личных покоев семьи.

За пультом сидели двое молодых охранников — сосредоточенных, в тех же серых костюмах, что и у Тэ-хёна. В полумраке лица их были почти не различимы. Он уже собрался привлечь их внимание, как вдруг увидел на стенном экране своё собственное изображение — крупным планом, затем разбитое на фрагменты, фиксировавшие каждый его шаг с момента прибытия утром на такси к воротам поместья.

— Ну что, впечатлил? — раздался голос у него за спиной. — Запомни: за тобой следит всевидящее око. Не стоит подкрадываться.

Тэ-хён и не имел таких намерений. Он удивленно повернул голову в бок, туда, откуда доносился голос. Скользнул взглядом по вышедшему из тени. Старший смены — крепкий,

сухой, голос поставлен — явно из бывших полицейских или сержантов. Такой не будет шутить дважды.

Тэ-хён сдержал реакцию, не подав виду, что его застали врасплох. И просто продолжил наблюдать, как на экранах повторяется его путь по дому.

Мужчина широко улыбнулся и протянул руку:

— Чу Джи-вон. А ты, я так понимаю, новенький?

— Кан Тэ-хён, — представился Тэ-хён коротко.

— Ищешь Квон Пан-сока? Он уже был. Ушёл к Председателю, должно быть, отчитывается. У тебя ещё есть время. Сходи, перекуси. В буфете как раз подают завтрак.

Тэ-хён кивнул и направился к выходу. На последнем кадре он увидел, как он сам, слегка пританцовывая и напевая, выходит на лестничную площадку. Да, с этим нужно быть осторожнее. Он больше не у себя дома.

— Эй, — окликнул его Джи-вон. — Приведи себя в порядок. — Он указал на челку.

Тэ-хён бросил на него короткий взгляд, но промолчал. В коридоре он едва слышно пробормотал: «А что не так с моей чёлкой?» — глянул на себя в отражении стеклянных дверей, остался доволен и пошёл искать буфет.

Буфет находился недалеко, в том же крыле дома, только пришлось вернуться на первый этаж. Эта часть дома полностью предназначалась для прислуги. Здесь было много подсобных помещений. И атмосфера здесь резко менялась. Тишина и чинность господских залов уступала место оживлённому движению и меньшему контролю.

Мимо него проследовали две служанки, возможно, из прачечной, торопившиеся приступить к своим обязанностям. Они с достоинством проследовали мимо, а за его спиной приснули со смеху. «Новенький... Какой хорошенький! — расслышал он. — Будет теперь на кого посмотреть кроме господина Квона».

У входа в буфет путь ему преградили несколько телохранителей из ночной и дневной смен. Они перебрасывались короткими приветственными фразами, шутили и обменивались новостями. Его новые коллеги были слишком заняты, чтобы обратить внимание на него.

Миновав их, но не забыв поздороваться, Тэ-хён прошел в зал и выдохнул.

Он опасался столкнуться с той же помпезностью, которой поразили его холл и кабинет Председателя, но вместо этого увидел просторное, светлое помещение — уютное, почти домашнее. Мягкий свет струился из окон, отражался в белом мраморном полу. Столы покрывали белоснежные скатерти, в вазах стояли живые цветы. Даже здесь, в пространстве для слуг, чувствовался шик: золотые вензеля с цветком орхидеи на скатертях, имитация позолоты на светильниках — всё дышало величием семьи Чжин.

На кухне за перегородкой из деревянных реек кипела работа. В воздухе витали ароматы свежего хлеба и ванили.

Желудок Тэ-хёна сжался от голода, а в висках снова предательски застучало. Запахи жареного лука и кимчи боролись с остатками вчерашнего виски, требуя немедленной порции горячего супа.

— Супруга Председателя снова печет булочки, — сказал один из охранников, сидевших за столиком у перегородки.

— Значит, сегодня не останемся голодными, — кивнул второй.

— Председатель опять уезжает в храм на целый день?

— Ага. Будет молиться за дочь.

Они встали и быстро вышли. Горничные, проводив их, тут же заговорили вполголоса:

— Слава богу, госпожа Ха-рин уехала. Теперь будет полегче.

— Не называй её так. Ты же знаешь, она этого не любит, — одернула товарку более опытная горничная.

— И что с того? Сейчас же её нет рядом. И что это за мода такая — менять имя на европейское? — фыркнула горничная помоложе.

— Госпожа Тиффани живёт в Европе. Там проще с европейским именем.

— А мы, что, тупые? Мы их имена запоминаем.

— Глупая. Ты не жила там. Знаешь, сколько у них странных имён?

— А я только Бреда Питта и знаю, — мечтательно заметила третья горничная. — Он красавчик.

— Фу, он же старый.

Тэ-хён прикрыл глаза, стараясь не морщиться от слишком звонких голосов горничных. Каждое их *Бред Питта красавчик* отдавалось в висках тупой болью. Ему сейчас было не до звёзд Голливуда — всё его внимание было сосредоточено на линии раздачи.

И он не сразу заметил, как к нему тихо подошла милая девушка. В отличие от невзрачного серого наряда горничных, на ней было розовое платье с широкой юбкой и белоснежный фартучек с оборками. Казалось, всё в ней создано для того, чтобы радовать глаз: от короткой юбки, открывавшей взором стройные ноги, до ясной солнечной улыбки.

На бейдже было написано: *Ко Чон-нан, буфетчица*.

— Вы новенький? Проходите, пожалуйста. Линия раздачи — за перегородкой. Выбирайте, что по душе. Любой свободный столик — ваш.

— Благодарю, госпожа Ко.

— Ой, да какая там из меня «госпожа», — она весело замахала ладошками, и её браслеты мелодично звякнули. — А вы, я смотрю, из Пусана? У вас такой характерный звук «с», сразу слышно!

Тэ-хён замер. Он-то был уверен, что за годы службы и скитаний по Сеулу полностью избавился от южного акцента, отшлифовав речь до столичного блеска. Но эта девчонка в розовом фартуке считала его как открытую книгу.

— Я старался это скрыть, — признался он, невольно смягчая тон.

— Да бросьте! — Чон-нан заговорщицки понизила голос. — Тут у каждого второго свой скелет в шкафу и свой акцент за пазухой. Я вот сама с Чеджу, и, если начну тараторить на нашем — вы ни слова не поймете. Так что ешьте спокойно, «земляк». Кофе будет через пять минут. Вы как предпочитаете?

— Американо. С двумя ложками сахара.

Она подмигнула ему и упорхнула к стойке. Тэ-хён проводил её взглядом, чувствуя странную смесь облегчения и досады. Его маскировка давала трещины одна за другой: сначала камеры, теперь — девчонка-буфетчица.

Но она улыбнулась ему так искренне, как будто радовалась, что он любит сладкое. Горничные смотрели на неё с явной завистью. Но, может, в этом и была её работа — создавать тепло в этом строгом доме.

Последовав совету девушки, Тэ-хён взял поднос на стойке и проследовал к линии раздачи. Меню было скромным, но тщательно сбалансированным: суён-тан, кимчи-чхиге, ундон-кук — на выбор, омлет, маринованные овощи, рис. Видимо, о персонале здесь действительно заботились.

Расставляя миски на подносе, Тэ-хён вспомнил слова горничных. Новостью это не назовешь. Он ещё в свой первый приезд в Санбалам узнал от Пан-сока, что дочь Председателя покидает родительский дом. Но ему так и не удалось её увидеть, он даже не знал, молода ли она или уже в возрасте.

Однако то, что он услышал, заставило его задуматься. «Госпожа Тиффани». Европейское имя для корейской чеболи — это всегда либо попытка сбежать от себя, либо желание показать, что мир для неё слишком мал. Тэ-хён невольно поймал себя на мысли, что и сам сейчас играет в похожую игру, пытаясь замаскировать «сторожа со склада» под столичного Бонда.

Несколько коротких фраз, брошенных горничными, совершенно не лестно характеризовали госпожу Чжин Ха-рин. Досье на семью он так и не успел изучить. Ему достаточно было знать, что главный здесь – господин Председатель. А этот человек, несмотря на грозный вид и свою немногословность, почему-то ему понравился.

Насытившись, Тэ-хён сидел за столом, смакуя горячий кофе из белоснежной чашки с тонким золотым изображением орхидеи — вензелем дома Чжин. Вкус был идеальным — не слишком крепким, с лёгкой горчинкой и оттенком ванили. Давно он не испытывал такого блаженства. Теперь можно было и осмотреться повнимательнее.

Буфет был не просто столовой — это был центр жизни персонала. Здесь ели, отдыхали, получали задания, слышали новости. В задней части — диваны для пересменки, уголок для совещаний. Всё было продумано: свежий кофе, вода, тёплая еда. Здесь не нужно было думать о себе — только о работе.

Тэ-хён отметил, как свободно и комфортно чувствуют себя здесь сотрудники. Но никто не забывал о своих обязанностях, порядок соблюдался строго — любая оплошность и можно лишиться места. Каждый знал свое дело и свой график и следовал ему неукоснительно.

Тэ-хён вспомнил тех двух охранников, которых заприметил вначале. Они явно отличались от остальных – вели себя сдержано, говорили мало, торопились приступить к своим обязанностям.

Ощущение обособленности этих людей исходило и от того, какими взглядами проводили их коллеги. Зависть, смешанная с опаской. Тэ-хён знал этот взгляд: так смотрят на тех, кто ходит по самой кромке власти. Это была не просто охрана периметра — это были «тени», имеющие доступ туда, куда ему, новичку с пусанским акцентом, путь пока закрыт.

Да, в этом доме всё не так просто. Ему предстоит ещё многое понять.

В этот момент он уловил суть разговора телохранителей, собравшихся в буфете:

— Как где? Я слышал, Председатель с утра отчитывает Квон Пан-сока, — возбужденно воскликнул один из товарищей, радуясь, что может похвастаться эксклюзивной новостью. — Из-за вчерашнего.

— А что было-то? Я только слышал, как Председатель вчера кричал на внуков.

— Да уверен, что там Сон-мин опять баламутит. Вчера он подговорил брата пойти с ним в бар, хотя Сон-у ещё несовершеннолетний. Когда обнаружили, что они пропали, Председатель всю охрану на ноги поднял. А Пан-сока, как назло, на месте не оказалось.

— Что ж он не человек, что ли? Ему тоже отдых положен. Закончилась смена, вот он и поехал развеваться.

— Не завидую я начальству. По любому поводу ему сразу звонят. С горшка поднимут.

— Да, кто ж мог угадать, что в конце дня такая неприятность случится.

— Это все Мин-сок виноват. Его обязанность за внуками следить.

— Да, разве ж за ними уследишь? Хуже только с госпожой невесткой работать.

— Да ты что?! В десять раз хуже. Та хоть по ночам дома сидит.

— И как же их найти удалось? — вернулся к новости один из охранников.

— А, — отмахнулся рассказчик, — Ехидна, как всегда, сама взялась за дело. Она их нашла.

— Вот же... женщина! Опять сует нос не в своё дело! Всё перед Председателем хочет выслужиться. Не могли Пан-соку позвонить, чтобы он разрулил это дело?

— Да он же не нянька для всех! — фыркнул еще один охранник. — И за внуками присматривать должен, и за оплошность охранников ответ держать?

— Ага, — вступил третий, — но ты же знаешь, как у нас: кто выше — тот и виноват. Достанется же Пан-соку.

— Ещё бы! Ехидну, чтобы отыскать внуков, пришлось аж с очередного задания выудить.

Тэ-хён замер, и чашка с золотой орхидеей едва не дрогнула в его руке. Значит, пока они вчера дегустировали контрафакт в порту, здесь стоял дым коромыслом. И сейчас Пан-сок прикрывал его спину, рискуя собственной головой под гневом Председателя.

«Ехидна»? Прозвище хлестнуло по ушам, как выстрел. Неужели та самая женщина из бара?

Та, что нашла внуков. Она явно обладала не только чутьем, но и властью, о которой обычные охранники говорили лишь шепотом.

Вчера он не придал этому инциденту значения. Считал его фарсом. И вот теперь всё встало на свои места.

Выходит, не зря Пан-сок вчера так расстроился и решил уйти раньше времени.

Он встревоженно бросил взгляд на часы. 6:07. Пан-соку давно пора было уже быть на месте.

Если правда то, что этот охранник рассказывает, его друг действительно попал в беду. А он не знает, чем ему помочь, хотя был в тот вечер рядом.

— Звонить, никому не пришлось, господин Квон сам оказался на месте. Надо же было такому случиться, что он отдыхал со своим приятелем в том же баре.

— Что же он, сразу не заметил подростков там, где им быть не положено?

Рассказчик пожал плечами.

— Расслаблялся человек. Имеет право, — а потом понизил голос и заговорщически сообщил, — Говорят с ним были женщины. Ну, сами понимаете... Ехидна, как увидела это, пришла в ярость. Вот и доложила обо всем Председателю.

— Да это же несправедливо! — раздалось со всех сторон. Мужская солидарность взыграла.

Тэ-хён почувствовал, как внутри всё сжалось. Обидно стало за друга. Хоть он и прослыл в армии чьим-то там протеже, своей новой работой Пан-сок гордился и дорожил ею. А теперь его карьера может рухнуть из-за какого-то дурацкого совпадения.

И что эта женщина себе позволяет? Она же не охранник. И не имеет никакого отношения к этой службе. Так чего она судит?

Тэ-хён сжал зубы так, что челюсть заныла. *Приятель.* Он и был тем самым приятелем, из-за которого Пан-сок теперь шёл на плаху. А *женщины...* В памяти всплыли накрашенные губы и резкий смех тех девиц, что подошли к ним в баре. Но это была случайность.

— Говорят, это она сама подставила его, — тихо добавил кто-то. — Хотела проверить, насколько он предан. Или просто поссорить с семьёй.

— А может, просто не любит, когда кто-то нарушает правила? — ответил другой. — Она — сама правило. Сами знаете, что будет, если с внуками что-то произойдет. У Председателя и так натянутые отношения с сыном.

— Скажешь тоже! Все знают какое место она занимает подле Председателя.

— Тише ты! Такие вещи даже шепотом не говорят.

Группа сгрудилась ещё теснее. Тот, что принёс новость, позвал всех склониться ещё ниже:

— Слышал, в том баре она на спор выпила целый литр водки — и не захмелела.

— Да брось! Такое даже лошадь убьёт.

— А ты её не знаешь. Та ещё бестия.

Тэ-хён смотрел в чашку. Оставалось только удивляться, как быстро факты превращаются в небылицы. Он знал, как всё было на самом деле. Но в первый день не хотел прослыть сплетником.

* * *

В тот день они с Пан-соком, как и договаривались, встретились вечером и отправились отмечать назначение Тэ-хёна. Бар, который упомянул Пан-сок, находился в порту — место

неброское, известное только среди посвящённых. Здесь подавали контрафактный виски, но по качеству он не уступал лучшему шотландскому. Посетителей было немного: моряки с иностранных судов, местные, которым хватало связей, чтобы узнать о существовании этого укрытия. Случайно забредших посетителей владельцы бара не очень любили и относились к ним с подозрением.

Пан-сока здесь знали. Его встречали с уважением, как старого знакомого. Тэ-хён отметил про себя: Пан-сок умеет вписаться в любую среду. У него всегда находились нужные слова, нужные связи. Из него вышел бы отличный менеджер — гибкий, обходительный, с интуицией дипломата. Но он выбрал армию. Ну, как «выбрал» — у него просто не было выбора.

Они никогда до этой встречи не были особо дружны, слишком велика была разница в их подходе к службе. Тэ-хён был солдатом до мозга костей. Прошёл путь от срочной службы до спецназа, окончил военную академию, дослужился до капитана. Каждое звание — за кровь, пот и риск. Пан-сок же служил при штабе. Родственники в армии сделали его офицером без боя. Ему это и не нужно было. Он просто не знал, куда идти. О карьере военного он никогда не мечтал.

При других обстоятельствах они не сошлись бы и в мирной жизни. Два мира: штаб и окоп, привилегия и заслуга. Но судьба свела их. Делить им было нечего, их карьеры не пересекались, а одинаковый возраст и чувство юмора стали мостом, который соединил их. Тэ-хён отбросил пренебрежение боевиков к штабистам, а Пан-сок — легкомысленность, с которой относился к службе.

Он восхищался преданностью Тэ-хёна. А Тэ-хён — его умением не тонуть.

Иногда они встречались за выпивкой. Тэ-хён подозревал, что у Пан-сока нет настоящих друзей. Слишком много завистников, слишком много ожиданий. А с Тэ-хёном можно было помолчать — и это было хорошо.

Так и сложились их приятельские отношения. Пока Пан-сок, устав от штабной рутины, не ушёл в частную охрану. Став начальником личной охраны Председателя Чжина, он открыл Тэ-хёну путь в «Синджин Групп».

Но здесь, в прокуренном полумраке портового бара, исчезала разница между капитаном спецназа и штабным офицером. Оставались только двое мужчин, которые пытались переиграть судьбу.

Тэ-хён расслабился — впервые за долгие месяцы. Тепло виски разливалось по жилам, притупляя инстинкты, которые должны были кричать об опасности. Он смотрел на Пан-сока и видел в нём просто друга, забыв, что в мире чеболей даже дружба — это инвестиция с высоким риском.

— До сих пор не понимаю, — говорил Тэ-хён, поднимая бокал, — зачем ты это сделал? Зачем я тебе сдался?

— Поймёшь со временем, — уклончиво ответил Пан-сок. — А пока просто думай, что мне нужен свой человек в команде.

Тэ-хён нахмурился.

— Свой человек, значит... — пробормотал он, разглядывая дно бокала. — Смотри, Пан-сок, как бы этот человек не стал для тебя обузой.

Не то, чтобы он был против поддержать друга, но быть использованным было неприятно. Он-то думал, что Пан-сок спас его по доброте душевной. А он, значит, купил его верность таким образом.

Впрочем, какая ему разница. В тот момент, когда он падал из люльки с 17 этажа здания, Пан-сок протянул ему руку, не думая о том, что он сможет пригодиться ему в борьбе за власть. Он сделал это искренне. Так что Тэ-хён ему обязан. И если ценой этой обязанности станет участие в чужой войне — что ж, он готов был платить. В конце концов, воевать он умел гораздо лучше, чем просто жить.

Ну, а то, что Пан-сок ведёт в поместье свою игру, говорит лишь о том, что в Санбаламе нет единства, его раздирают партии. И сейчас его друг намекнул, что он возглавляет одну из партий. Неужели он пошёл против своего начальства — этого Чо Тэ-сана? Это выглядело самоубийством.

А может Чо Тэ-сан сам в чём-то замешан? Этот человек был явно против назначения Тэ-хёна, зная, что он протеже Пан-сока. Но что-то пошло не так. Чо Тэ-сану не удалось выдвинуть Тэ-хёна из Санбалама. Или у Пан-сока оказались более сильные покровители, что он не боялся гнева шефа.

— Как ты вообще устроился на эту работу? — поинтересовался Тэ-хён. — У тебя же вся семья — военные. Тебе сам Бог велел служить в армии. Никогда не думал, что ты бросишь службу.

— Надоело всё. Я ведь никогда о карьере военного, как ты, не мечтал. Это был просто вынужденный шаг. Как ты правильно сказал, у меня вся семья — военные. Мне просто и идти было больше некуда. Но тут просто не выдержал. Захотелось чего-то своего, понимаешь?

Тэ-хён отлично понимал, и в то же время не мог понять. У этого парня карьера в армии была с пелёнок предусмотрена.

— Так как ты всё-таки попал к Чжину?

— Связи, — усмехнулся Пан-сок. — Шепнул одному, попросил другого. На самом деле управляющая Квон жена моего дяди и, по секрету тебе скажу, родственница госпожи Чжин.

Теперь было понятно, как Пан-сок попал в дом Председателя и так быстро продвинулся.

— У тебя везде есть связи, — не то похвалил, не то пожурил его Тэ-хён.

— В нашем мире без этого никак. Ну, а ты? Ты знал, что Чо Тэ-сан служил с генералом, у которого был зуб на тебя? И из-за которого ты попал в тюрьму?

Тэ-хён покачал головой. Но эта новость ему не понравилась.

— Да забудем. Сегодня твой день. Расслабься.

Пан-сок указал стаканом на трёх девушек у окна. Они смотрели на них с явным интересом. Лёгкие платья, открытые плечи — даже в морозную ночь они выглядели как часть вечеринки.

— Тебя уже заметили.

Тэ-хён оценил девушек и отвел взгляд с сомнением.

— Скорее уж они на тебя нацелились. У них же в глазах калькулятор на доллары.

— Я пас, — сказал Пан-сок, уставившись в дно бокала.

— Серьёзно? Ты же не монах. Или у тебя есть кто-то особенный?

Пан-сок замялся. На миг показалось, что он смутился.

— Ерунда. Не стоит разговора, — но чувствовалось, что его снедает невысказанная боль, в его глазах затаилась печаль, как от несбыточной мечты.

— Все женщины одинаковы. Вероломные. Даже твоя Ын-ми, — бросил он без злости.

Это был удар под дых. Пан-сок хорошо знал всю историю отношений Тэ-хёна со своей девушкой. И будь это кто-то другой, Тэ-хён не стерпел бы такого. Вряд ли Пан-сок хотел его обидеть или задеть за живое. Скорее просто за мимоходом брошенными словами попытался скрыть свою боль.

Тэ-хён опустил глаза. Ын-ми. Его радость и боль. Он любил её всерьёз. А она — играла. Её нежность, признания — всё это была маска. Она вообще любила примерять на себя разные роли. Он понял это слишком поздно.

— Мы оба были молоды и полны иллюзий. Не получилось из нас идеальной пары.

Пан-сок бросил на приятеля взгляд с прищуром сквозь сизый дым сигареты. За все время тренировок они никогда не затрагивали эту тему, зная, насколько она болезненная для Тэ-хёна.

Сейчас Тэ-хён чувствовал, что Пан-сок не просто смотрит, он оценивает, насколько сильна ещё боль. Для него Тэ-хён сейчас был не только другом, но и активом, который не дол-

жен дать сбой в самый неподходящий момент. Офицерская привычка — проверять прочность брони перед боем, даже если этот бой будет проходить на паркете особняка.

Тэ-хён выдержал его взгляд и оглянулся на девушек, словно сам себя проверял — готов ли он забыть про Ын-ми и не вспоминать.

Девушки подошли к ним сами.

Высокая блондинка с точёным личиком непринуждённо встала между ним и Пан-соком:

— Кажется, вам без нас необычайно грустно, — сказала она, прижимаясь к Тэ-хёну с намеренной неловкостью.

Он улыбнулся. Её прикосновение было тёплым, фальшивым, но приятным. Давно он не получал от женщин такого внимания. Даже приятная внешность не выручала, женщины интуитивно чувствовали в нём неудачника. Но стоило ему немного подкачать мышцы, чисто выбрить лицо и надеть приличный костюм... и его заметили.

Он перевёл вопросительный взгляд на друга.

— Сегодня он платит, — честно признался он.

Пан-сок не разделял его настроения. Он сидел молча, погружённый в свои мысли. Но девушка с чёрными волосами и короткой стрижкой уже прильнула к его плечу. Её глаза, как у оленёнка Бэмби были широко распахнуты и наполнены влагой. Она скромно улыбнулась в ответ на взгляд Пан-сока и притихла, будто боялась побеспокоить его. Казалось, сама возможность находиться с ним рядом, заставляла её чувствовать себя счастливой.

Пан-сок смирился и подал знак бармену. Он выглядел как человек, который решил, что если уж его мечте не суждено сбыться, то пускай хотя бы этот вечер утонет в чужом, покупном тепле. Это была секундная слабость, но в мире, где за тобой следит «всевидящее око», секунды бывает достаточно.

Третья подружка, с задорным носиком и париком лилового цвета, нисколько не теряясь, приблизилась к стойке и заказала всем по коктейлю.

— Лилли, — представилась она, салютуя Тэ-хёну бокалом. — А это мои сестрички: Малли и Бэтси.

Эти имена вызвали у Тэ-хёна и Пан-сока кривые усмешки. Да и какая разница, как их зовут. Даже если бы они назвали им свои настоящие имена, это ничего бы не изменило. Завтра же они о них забудут.

Тэ-хён расслабился. Давно он не чувствовал себя таким живым. Лилли и Малли... или Малли и Лилли... окружили его с обеих сторон, и он таял от их внимания и ласки.

Но Пан-сок оставался в стороне. Он пил, но не веселился. Не замечал девушку рядом, но и не отстранялся, когда её тонкие пальчики легко ложились ему на плечо. Лёгкое, почти невесомое прикосновение.

Тэ-хён позавидовал другу. Он бы с радостью поменялся с ним местами. Хотелось бы ему быть не с блондинкой и её подружкой, а с этой тихой девушкой с глазами лани. Ему всегда нравились такие — не кричащие, не требующие, просто рядом.

— А у тебя не будет неприятностей из-за разногласий с шефом? — спросил он, желая завершить начатый разговор. Ему пришлось слегка повысить голос, чтобы друг мог расслышать его в наполненном гамом баре. Теперь, когда их разделяли девушки, было сложно сохранить интимность дружеской беседы.

— Забудь. У Чо Тэ-сана много своих обязанностей и без нас. Скорее всего ты редко будешь пересекаться с ним, — ответил его приятель.

Тэ-хён понимающе качнул головой.

Музыка в баре стала громче, смех Лилли — пронзительнее, и в этом шуме он на мгновение потерял бдительность. Ему показалось, что за спиной Пан-сока, в дальнем углу, шевельнулись тревожные тени. Но нежная рука Малли коснулась его щеки, и он отогнал это видение.

Громкий смех за дальним столиком оповестил бар о присутствии в нём весёлой компании. Бармен недовольно глянул в ту сторону и заметил официанту:

— Кажется, здесь посторонние.

Официант обречённо качнул головой:

— Господин Лим сам пустил их, пусть и разбирается.

Один из молодых людей вальяжно развалился на диване и громко выкрикнул:

— Лучшего виски нам! Брат моего приятеля сегодня грустит. Нужно его развеселить.

И приобнял за плечи парнишку лет шестнадцати. Видно было, что молодые люди уже навеселе, и это не первый бар, в который они зашли за вечер.

Пан-сок заинтересованно обернулся.

Трое молодых людей, а с ними ещё две девушки, тоже слишком юные, чтобы проводить время таким образом, не обращая внимания на косые взгляды посетителей, сидели за свободным столиком у окна.

— Вот чёрт, принесла же нелёгкая! — не смог он сдержать раздражение:

— Ты о чём? — не понял Тэ-хён и поискал глазами источник внезапно испорченного настроения своего друга.

Пан-сок покачал головой. Ему не до объяснений было. Он потянулся за телефоном, стал лихорадочно читать ленту сообщений, потом позвонил кому-то и грозно отчитал.

Тэ-хён тем временем наблюдал за компанией молодых людей, которые устроились за столиком у окна.

Он почувствовал, как хмель мгновенно выветривается из головы, уступая место холодному расчёту. Он оценивал не только возраст парней, но и обстановку вокруг них: трое пьяных мажоров, перепуганные девчонки и десяток угрюмых моряков, которым явно не нравился этот шум. Ситуация пахла дракой, и эта драка могла стоить Пан-соку места в первом ряду «Синджин Групп».

— Так кто эти люди? — спросил Тэ-хён, видя, как друг с досадой убирает телефон.

— Твои самые вероятные клиенты на ближайшее время. Внуки Председателя.

— Сон-мин и Сон-у? — припомнил Тэ-хён.

— Они самые.

— А не рановато ли им по барам гулять?

Пан-сок криво усмехнулся.

— А ты скажи им это. Сон-у и правда школьник, а вот Сон-мину уже 19. Но, думаю, их всех провел вон тот парень. Его зовут Ли Гван-нам, приятель Сон-мина. Из влиятельной семьи, тот еще бездельник, даром что с малолетками общается. Он на год старше Сон-мина.

— С такими деньгами, он мог бы и получше место выбрать.

— А они, скорее всего, не хотят, чтобы родители знали, как ни проводят вечер. Председатель уже всю охрану на уши поставил.

— И что нам теперь делать? Вон, на них уже со стороны косятся.

Пан-сок был страшно раздосадован. Какое бы решение он не принял, хорошему вечеру пришёл конец.

— Десять шотов! — громогласно объявил Ли Гван-нам. — Моему другу надо выпить. У него сегодня неприятности в семье.

На лицах некоторых посетителей бара появились кривые ухмылки — красиво развлекается «золотая молодежь». А были и такие, что заговорщически перешёптывались, поглядывая на разгулявшихся чеболей.

Тэ-хён медленно отодвинул Малли, заслонявшую ему обзор. Взгляд его, ещё минуту назад расслабленный, теперь сканировал зал, как радар. Он отметил двоих у окна, которые

слишком пристально разглядывали золотые часы Сон-мина, и пару моряков, чьи кулаки непроизвольно сжались при звуке слов о «неприятностях в семье».

— Пан-сок, — тихо, но твёрдо произнёс он, перекрывая шум бара. — У тебя меньше минуты. Если они сейчас выпьют эти десять шотов, Сон-у придется выносить на руках, а эти ребята у стойки решат, что пора раскулачивать «золотых деток». Тебе нужно уводить их прямо сейчас.

— Я уже позвонил кому следует, — сообщил Пан-сок.

Но приезда своих подчиненных Пан-сок мог и не дожидаться. Вызывающее поведение молодых людей уже многих начинало раздражать.

Пан-сок отвернулся к стойке и сжал кулаки. Бэтси, неправильно оценив его жест, утешающе положила ему руку на плечо, и что-то шептала на ухо. Но Тэ-хён видел — его друг принимает непростое решение.

Он с сочувствием посмотрел на друга, готовый по первому его зову ринуться в бой. Но Пан-сок почему-то медлил.

— А вон тот кудрявый хорошенький, — сказала Малли с намёком, обращаясь к Лилли, оставшейся без пары.

Продолжая обнимать Тэ-хёна, они то и дело посматривали в сторону разгулявшихся молодых людей. Они были моложе, симпатичнее, да и деньгами сорили направо и налево.

Тэ-хён взял за подбородок девушку с белокурыми волосами и повернул к себе, целуя в губы.

— Неужели тебя интересуют эти сопляки? — спросил он, поглаживая её волосы, на ощупь мягкие как пух.

— Конечно нет, — промурлыкала девушка, запуская тонкие пальчики за ремень его брюк, и заставляя его охнуть. — Разве кто-то из них сравнится с тобой.

Рука Лилли так же проворно скользнула в просвет между пуговицами на его рубашке. Тэ-хён обнял её за талию, всё ещё чувствуя вкус дешёвой помады на губах блондинки. Но его глаза, прикрытые ресницами, продолжали считать секунды. Пальцы Лилли под его рубашкой были холодными, а её внимание — уже не принадлежало ему. Она, как и все в этом баре, ждала взрыва.

— Пан-сок, — прошептал он, едва оторвавшись от губ блондинки. — Бросай всё. Если твои ребята не появятся в дверях через десять секунд, нам придется выбивать этих щенков отсюда кулаками.

Колокольчик на двери звякнул густым медным звуком, и в бар вошли новые посетители. Их было немного, но их появление было таким значительным, что посетители невольно притихли. Пан-сок забыл про свой телефон, по которому всё ещё безуспешно пытался кому-то дозвониться, и резко обернулся на звук.

— Твою мать! — едва слышно выдохнул он, и его лицо мгновенно побелело. — Этого только не хватало!

Увлечённый своей игрой с Лилли и Малли, Тэ-хён с опозданием сообразил, что произошло что-то странное. Его друг внезапно отвернулся к стойке, и скрыл свое лицо руками. Бэтси инстинктивно загородила его собой.

Поискав глазами, что могло так смутить его железного друга, Тэ-хён замер.

Двое массивных мужчин в одинаковых серых костюмах встали по обе стороны от входа, с каменными, профессионально сканирующими лицами наблюдая за каждым движением в баре. А между ними, прямо в центр залепанного зала, неторопливо прошла женщина. За её спиной, чуть поодаль, бесшумными тенями следовали ещё два телохранителя.

— Ох, ё! — сорвалось с губ Тэ-хёна. Алкогольный хмель выветрился из головы за долю секунды.

Она шла так, словно весь этот бар был её персональным подиумом. Высокая, статная, в кроваво-красном платье, туго обтягивающем бёдра, и чёрном приталенном жакете, который подчеркивал не только осиную талию, но и высокую, вызывающую грудь. Широкополая шляпа скрывала лицо, но была бессильна спрятать исходившую от женщины удушающую ауру власти.

Все замолчали. Даже лампы, казалось, мигнули и вспыхнули ярче.

Женщина остановилась, обвела присутствующих взглядом, от которого хмель в голове Тэ-хёна мгновенно сменился ледяным отрезвлением. Она не смотрела на него. Она смотрела сквозь него, как сквозь пустое место.

Сквозь кислый запах пива и контрафактного виски Тэ-хён внезапно уловил нечто чужеродное: аромат тлеющего дерева. Этот запах не принадлежал порту. Он принадлежал храмам, дворцам и тем, кто привык диктовать свою волю другим.

Осмотревшись, она напрямик направилась к компании внуков Председателя.

— Так вот вы где? — пропела женщина приятным низким голосом, без намёка на истерические нотки. — Председатель вас ждёт. Поехали.

Сон-мин нагло усмехнулся:

— А ты кто такая, чтобы указывать?

— Повтори это Председателю.

Заминка с ответом выдала в Сон-мине сомнения. Кто бы ни была эта женщина, она держалась уверенно и независимо.

— Вставай, Сон-у. Мы уходим.

Она попыталась достучаться до сильно захмелевшего подростка, но тот едва слышал её.

— А если мы не хотим? — дерзко выпалил старший из братьев.

— Тогда мне придется волочить вас силой, а это унижительно и для вас, и для меня.

Не удивительно, что весь бар замер в ожидании, что будет дальше. От этой женщины исходило ощущение силы. Тэ-хён не мог видеть её лица, но голос завораживал. У неё была странная старомодная манера выражаться и говорила она с заметным иностранным акцентом.

— Эй, аджума, какое вы имеете право приказывать им, а? Вы им не мать и не сестра, — вступился за друзей их старший приятель.

Один из телохранителей, стоявший за спиной женщины, тут же выступил вперёд, чтобы урезонить грубияна. Но женщина жестом остановила его.

Сон-мин вальяжно откинулся на спинку кресла и нагло посмотрел на неё снизу вверх.

— Уходи. Ты мешаешь нам... ик... отдыхать. А тебя, — он ткнул пальцем в охранника, и снова икнул, — завтра же уволят. Ты хоть представляешь, на кого ты сейчас пошёл?

Тэ-хён почувствовал, как Малли сильнее вцепилась в его плечо. В баре стало так тихо, что было слышно, как гудит старый холодильник у стойки. Он смотрел на спину этой женщины в кроваво-красном платье и понимал: Сон-мин совершил ошибку. Огромную, непоправимую ошибку. Ты можешь хамить охране, можешь хамить деду, но нельзя хамить стихии.

— Они всего лишь выполняют свою работу, — ответила женщина, проигнорировав слова Сон-мина. — Это приказ Председателя. И тебе придётся ему подчиниться.

— Плевать я хотел на приказы. Ты мне не нянька! Уходи, подстилка дедов...

Он не договорил, потому что женщина отвесила ему звонкую пощёчину рукой в перчатке.

— Это не за меня. Твои слова оскорбительны прежде всего для деда.

Сон-мин зло сплюнул и посмотрел на женщину с ненавистью. Девушки рядом с ним испуганно сжались. Женщина как будто впервые заметила их.

— Госпожа Пак Джи-а? Госпожа О Со-ён? Не желаете ли, чтобы мои люди сопроводили вас домой? Время уже позднее, на улицах в этой части города не безопасно.

— Они с нами приехали, с нами и уедут, — заявил Ли Гван-нам.

Женщина спокойно выслушала его ответ.

— Господин Ли, я полагаю? На днях у Председателя встреча с вашим отцом. Хотите, чтобы они обсудили ваше поведение между делом? Нет? Тогда вам лучше не вмешиваться. За себя вы ещё можете ответить, но вот за других вы не отвечаете.

И она кивнула одному из своих телохранителей, приказывая ему вывести девушек, а другому приказала найти и привести управляющего.

Тэ-хён почувствовал, как по коже пробежали мурашки — и не от холода. Малли рядом с ним испуганно пискнула и отстранилась, но он даже не заметил этого. Он смотрел, как эта женщина в одиночку подавляет волю трёх наглых мажоров. Без крика, без истерик. Она просто была сильнее их на молекулярном уровне.

«Ты мне не нянька». Слова Сон-мина повисли в воздухе как глупая шутка. Рядом с ней любой чувствовал себя нашкодившим подростком. Даже Тэ-хён, несмотря на весь свой спецназовский опыт, ощутил странное желание выпрямить спину. А Пан-сок так и вовсе боялся поднять голову и делал вид, что его тут нет.

Наблюдая за всем этим, Тэ-хён не мог не отметить, что даже ему все происходящее кажется хорошо поставленным спектаклем, в котором актёры действуют по заранее продуманному сценарию. Он перевёл вопросительный взгляд на приятеля:

— Ты понимаешь, что происходит?

Пан-сок хранил молчание и мрачно наблюдал за происходящим, стараясь оставаться неузнанным своими людьми. Он не мог не видеть, как его «поле» захватывает другой игрок, и ничего не мог с этим сделать.

Когда вынужденная пауза закончилась, и за столиком остались только молодые люди, начался второй акт этого странного представления.

— Теперь ваша очередь, — сообщила женщина.

— Делай, что хочешь, я никуда не пойду.

Сон-мин продолжал упрямяться, и дело шло к применению силы. Однако, ни женщина, ни прибывшие с нею телохранители, этого не хотели.

— И что же мне сделать, чтобы вы, молодой господин, соизволили встать? — женщина низко наклонилась, почти к самому лицу молодого человека, заставив его отпрянуть назад.

Сон-мин сначала испугался, а потом радостно хохотнул. Широким царственным жестом он указал на стол, где стояли десять забытых всеми шотов, восемь из них ещё не были тронуты.

— Присоединись... ик... к нам?

Он буквально бравировал своей храбростью перед старшим товарищем. Тэ-хён видел, как пальцы женщины в тонкой лайковой перчатке едва коснулись края стола. Она не отстранилась. Напротив, она замерла в этой опасной близости к Сон-мину, и в этой тишине Тэ-хён почти физически ощутил, как меняется давление в комнате. Она не боялась его наглости. Она ею завтракала.

Женщина медленно выпрямилась, поправляя жакет. Она не выглядела оскорбленной. Она выглядела... заинтригованной. Так смотрит гроссмейстер на новичка, который решил сходить пешкой против ферзя.

— Хотите проверить мою выносливость, Сон-мин? — её голос прозвучал почти ласково. — Или надеетесь, что алкоголь сделает меня добрее?

Она обвела взглядом восемь полных стопок.

— Хорошо. Если я выпью их все, и, если при этом смогу ровно дойти до машины, вы оба встанете и пойдёте за мной без единого слова. И больше никогда, — она выделила это слово, — не переступите порог заведений, где виски пахнет портовой соляжкой. Согласны?

Сон-мин, не ожидавший такой лёгкой победы, нагло ослабился и кивнул. Ли Гван-нам тоже подался вперёд, предвкушая зрелище. Они думали, что сейчас увидят, как «леди из Сан-балама» захлебнётся дешёвым пойлом.

Тэ-хён почувствовал, как у него пересохло в горле. Он видел, как она медленно сняла перчатку, обнажив узкую бледную кисть, и взяла первый шот.

— Смотри, — прошептал он Пан-соку, который, кажется, перестал дышать. — Сейчас она их похоронит.

Пан-сок оглянулся и тут же рванул с места, собираясь вмешаться.

— погоди, — Тэ-хён потянул его за рукав пиджака обратно. — Ты только всё испортишь.

И в самом деле, мирно решить вопрос не представлялось возможным. Один из внуков был пьян, его только на руках выносить, второй явно был настроен поскандальить.

Смерив взглядом количество рюмок, и оценив свои возможности, женщина изящно взяла первую рюмку, осмотрела её на свет. Самбука и водка слоями переливались, играя на свету. Потом она резко опрокинула в рот всё содержимое, зажмурилась на минутку и крикнула по-мужски.

Все затаили дыхание. Не затягивая паузу, женщина выпила вторую, затем третью. Паузы удлинились, но она всё ещё крепко стояла на ногах, несмотря на высокие каблуки. И только опиралась рукой на столешницу. Ни разу не закашляла, не поморщилась. Восьмой шот она отметила звонкой точкой, театральным жестом поставив рюмочку на стол вверх дном.

Когда последняя рюмка опустела, она спокойно надела перчатку обратно и посмотрела на замерших парней. В её взгляде не было и тени опьянения — только ледяная, кристальная ясность.

Наступила тишина.

— Ну? — спросила она, глядя на Сон-мина.

— И как мы проверим, что ты не пьяна, ик?

— Не могу сказать, что я как стеклышко, но я достаточно трезвая, чтобы выговорить *«изподвыподверта»*. Ах, да. Вы же этого не знаете. Тогда у меня есть ещё один тест специально для вас.

Тэ-хён нахмурился. Он никогда не слышал этого странного, ломающего язык слова, но то, с какой лёгкостью она вытолкнула его сквозь зубы после восьми шотов, впечатляло больше, чем стрельба по мишеням. Гван-нам сморщился как от укуса. Сон-мин и вовсе открыл рот, не в силах повторить даже первый слог. Даже Сон-у, казалось, протрезвел, и смотрел на всё это и детским любопытством.

— И какой же? — недоверчиво спросил Сон-мин, уже пугаясь её спокойной вразумительной речи.

Она перегнулась через стол, нисколько не стесняясь того, что весь зал пялится на её обтянутые узким платьем бёдра, схватила обоих молодых людей за уши и потянула на себя. Молодые люди болезненно взвыли и покорно встали.

— Сами пойдёте или так и тащить?

Зал взорвался смехом.

Охрана увела внуков, звякнул колокольчик на двери, и в баре внезапно стало очень холодно. Тэ-хён чувствовал, как Пан-сок рядом с ним буквально превращается в лёд.

Женщина молча проследила за тем, как внучат великого Чжин До-джуна уводят из бара. Затем неторопливым, царственным жестом сняла широкополую шляпку и обмахнулась ею, словно веером.

Только теперь Тэ-хён смог рассмотреть её лицо.

Она точно не была корейкой. В её внешности не было ничего от привычных Тэ-хёну сеульских красавиц с их плоскими, фарфоровыми лицами, аккуратными кнопками носов и одинаковыми разрезами перекроенных хирургом глаз. Лицо этой чужестранки казалось Тэ-хёну пугающе рельефным, объёмным и резким.

Высокий, открытый лоб, чёткий разлет тёмных бровей и ровный, крупный нос с едва заметной, но гордой горбинкой — у местных женщин таких носов просто не бывало. Но больше всего поражали глаза: огромные, круглые, пугающего зелёного цвета, который в полумраке портового притона отливал болотной тиной.

Овал её лица был безупречен. Тэ-хён поймал себя на мысли, что её можно было бы назвать по-настоящему красивой, если бы не выражение на нём. Женщина упрямо, почти со злостью поджимала свои сочные губы, а брови её были сурово сдвинуты к переносице. Эта вечная, застывшая маска недовольства и высокомерия портила всё впечатление, превращая её из чувственной женщины в карающий клинок.

Заметив маленького человека — управляющий кабака, который уже несколько минут испуганно топтался неподалёку, женщина выплеснула на него весь свой ленивый гнев. Она сделала шаг вперёд и хищно склонилась над несчастным, заглядывая ему прямо в глаза.

Тэ-хён мысленно усмехнулся, наблюдая, в какой изошрённый ад превратились следующие тридцать секунд для владельца заведения.

Мужик буквально не знал, куда девать глаза. Из-за того, что иностранка резко наклонилась к нему, в вырезе её глубокого декольте во всей красе открылась чернильная татуировка дикого цветка на левой груди. Для консервативного корейца это был запредельный, шокирующий уровень интимности и вызова.

Бедолага судорожно пытался смотреть вверх, на её лицо, но там его встречали огромные, пугающе ледяные зелёные глаза. Его подсознание кричало об опасности. Смотреть вниз, на грудь, было смертельно опасно — её телохранители за один такой взгляд могли сломать ему шею. Смотреть в сторону — проявить неуважение к представителю высшего сословия.

В итоге несчастный трактирщик замер по стойке смирно, уставившись в пространство где-то в районе её подбородка, пока его лицо заливала краска стыда и ужаса.

— Продаешь спиртное несовершеннолетним? Как эти дети вообще оказались в твоём баре? — хрипловато процедила она.

В ответ послышалось только невнятное, лепечущее оправдание на корейском, которое женщина даже слушать не стала, брезгливо перебив несчастного:

— Ещё раз попадёшься — я лично прослежу, чтобы это заведение закрыли, а ты заплатил такой штраф, что пойдешь по миру. И чтобы немедленно сообщал мне, когда эти мальцы снова сюда сунутся. А сейчас — зелёный чай. С лимоном. Быстро.

Она наконец выпрямилась, и управляющий баром, кажется, впервые за минуту смог сделать полноценный вдох. Он поспешно, мелкими шажками засеменил за стойку, кланяясь на ходу так низко, что едва не задевал носом собственные колени.

Тэ-хён проводил его взглядом и вновь перевёл фокус на женщину. Было странно, почему она медлит и не уходит вслед за охраной.

Как профессионал, он подметил деталь: на её бледных, точёных щеках проступил густой, лихорадочный румянец — первый признак того, что восемь шотов самбуки всё-таки начали действовать. В душном, тесном помещении бара ей внезапно стало не хватать воздуха.

Поискав глазами по сторонам, она нашла маленькую дверцу в дамскую комнату и направилась туда. Оставшиеся с нею телохранители тут же заступили вход в узкий коридорчик, заблокировав уборную для всех остальных посетителей.

Тэ-хён проводил её взглядом, отмечая, как безупречно ровно она держит спину, несмотря на убойную дозу анисового спирта в крови.

— Что это было? — спросил Тэ-хён, немного оправившись от увиденного. Пан-сок тоже не сразу вернулся к реальности, осторожно перевёл дух.

— Это? Это госпожа Лин-на, — произнёс он с характерным ударением на последний слог. Имя было произнесено с таким пафосом, как будто должно было говорить само за себя.

— Ну, и кто это?

— Завтра узнаешь. А сейчас нам пора. Нельзя светиться перед нею.

Они готовы были рвануть к выходу, но тут Пан-сок упёрся взглядом в пустую стойку. Расплатиться и уйти они не могли физически. Терминал оплаты на стойке был заблокирован, касса закрыта. Бармен отсутствовал.

Управляющий, до смерти напуганный приказом странной женщины, испарился в подсобке. Оттуда доносился яростный грохот посуды и крики — судя по всему, несчастный кореец устроил на кухне локальный ад, лихорадочно пытаясь отыскать среди запасов алкоголя свежий лимон и приличный зелёный чай.

Она вышла так тихо, что никто и не обернулся. Только Тэ-хён заметил, как маленький человек с подносом в руках внезапно ринулся вперёд и склонился, как подобает кланяться очень влиятельному человеку.

За спинами охранников Тэ-хён разглядел её тень. Как будто энергия, бывшая из этой женщины ключом, внезапно иссякла.

Лицо — бледное, почти восковое. Взгляд — чёткий, устойчивый. Но двигалась она заметно медленнее.

Она поправила прядь у виска — рука дрогнула на мгновение, почти незаметно, но Тэ-хён уловил это. Слишком медленно опустила пальцы, будто проверяя, слушаются ли они. Потом взяла с подноса чашку чая, не глотая, обмыла горло — и лишь потом сделала глоток.

Чай принёс ей заметное облегчение, и она ещё долго держала чашку в руках, словно тонкий фаянс мог согреть её своим теплом.

— Пойдём, — позвал его Пан-сок, но Тэ-хён не обернулся. Он не мог отвести взгляд от этой женщины.

То, что алкоголь совсем на неё не подействовал, было, конечно, неправдой. Тэ-хён слишком хорошо знал, что такое восемь шотов самбуки на голодный желудок для женского организма — это гарантированный нокаут через пятнадцать минут. Но она как-то выдержала, пока стояла возле столика наследников, а сейчас явно переживала последствия.

Тэ-хён всё пытался понять, что именно она сделала там, за глухой дверью уборной. Слух у него был отменный. Но из-за хлипкой деревянной двери дамской комнаты не донеслось ни звука — ни кашля, ни характерных позывов к рвоте, которые выдали бы обычную женщину, перебравшую со спиртным. Была лишь звенящая, мёртвая тишина, прерванная коротким, ровным шумом спускаемой воды.

Скользнув взглядом по её рукам, Тэ-хён отметил — правая кисть, которой она удерживала фаянсовую чашку, была безупречно чистой. А вот на тонком запястье левой руки, чуть выше сустава, проступили бледные, едва заметные полукружия — следы от её собственных зубов.

Пазл в голове мгновенно сложился. Так учили оперативников на закрытых базах контрразведки. Чтобы не выдать себя звуками за тонкой стеной, человек наглухо зажимает рот зубами вцепившись в собственную плоть — до хруста костей, до крови — и только тогда вызывает спазм желудка, блокируя любые крики и стоны внутри себя. Это требовало чудовищной, почти садистской самодисциплины и дикого порога болевой чувствительности.

Она вычистила себя до капли. Смыла грехи в унитаз, выжгла ментолом рецепторы, вернула маску и вышла к своим людям безупречной. И от осознания того, какую цену эта женщина прямо сейчас платит за право оставаться «железным цербером» Дома Чжин, у Тэ-хёна против воли пробежал мороз по коже.

— Ну же, Тэ-хён, шевелись, она сейчас обернется, — Пан-сок уже дёргал его за рукав куртки.

Тэ-хён наконец очнулся, и был готов последовать за другом, но женщина уже поставила чашку на поднос и вдруг посмотрела прямо в их сторону.

Раздвинув руками телохранителей, она направилась к барной стойке, возле которой стояли Пан-сок и Тэ-хён, всё ещё обнимавший за талию одну из девушек.

Бежать было поздно. Любое резкое движение сейчас выглядело бы как явное признание вины.

Тэ-хён почувствовал, как воздух вокруг него стал ледяным. Малли испуганно притихла под его рукой, а Пан-сок, казалось, превратился в соляной столп.

Лин-на подошла почти вплотную. На таком расстоянии Тэ-хён отчётливо уловил резкий, медицинский аромат — плотный шлейф концентрированного ментолового спрея, которым она лихорадочно залила горло перед выходом, стремясь уничтожить любые улики недавней слабости.

Её ледяной, сканирующий взгляд медленно скользнул по телу Тэ-хёна. Задержался на его тяжёлой руке, по-хозяйски лежащей на талии блондинки. Переместился на бокал с недопитым виски, который он так и не успел поставить. А затем их глаза встретились.

Его — тёмные, нахальные, с привычной маской нагловатого прищура. Её — огромные, пугающе зелёные, как штормовая морская вода, и абсолютно холодные. Тэ-хён заметил, что её зрачки были чуть расширены, как у кошки перед броском в темноте — скорее не от выпитой самбуки, а от бешеного адреналина, который сейчас летал по её венам.

Трудно было сказать, находилась ли ещё эта женщина под влиянием алкоголя: взгляд у неё оставался ясным и пугающе осознанным. На мгновение в самой его глубине промелькнуло узнавание. Узнавание, которое тут же сменилось безграничным, ледяным пренебрежением.

Это был чистокровный взгляд хищника, который внезапно встретил на своей тропе другого зверя — побитого жизнью, пахнущего перегаром, но всё ещё сильного и имеющего смертоносные зубы.

И Тэ-хён, к собственному глубокому изумлению, вдруг почувствовал, как внутри него всё смущенно сжалось. Словно его, боевого офицера, застали за чем-то постыдным и грязным.

Она лёгким движением отмела взглядом Тэ-хёна в сторону, словно тот был деталью интерьера, и посмотрела на Пан-сока. В её зелёных глазах отразились не гнев и не возмущение, а ледяное осуждение и явное, глубокое разочарование.

Не сказав ни единого слова, она проследовала мимо барной стойки к выходу. Телохранитель у дверей слаженным, привычным движением накинул ей на плечи чёрное пальто. Колокольчик звякнул на прощание, и бар снова накрыла звенящая, растревоженная чужим вмешательством тишина.

Тэ-хён проводил взглядом её чёрное пальто, пока дверь бара не закрылась, отсекая холод ночного порта. Вечер был окончательно испорчен. Пан-сок подавил тягостный вздох и вдруг засобирался, ссылаясь на срочные дела.

— Тебя эта женщина так напугала? — допытывался Тэ-хён. — Кто она?

— Ты не поймёшь, — только и сказал Пан-сок, махнул рукой и вышел из бара.

Тэ-хён проводил его, посадил в такси, а сам остался. Возвращаться в город не хотелось.

Не в силах определиться, что же ему теперь делать, он остался на улице возле бара. Холодный воздух порта ударил в лицо — соль, мазут, морская сырость. Он вдохнул глубоко. Это был запах его детства.

Странная женщина, — подумалось вдруг. Её взгляд до сих пор будоражил его и смущал.

Час был поздний. Идти Тэ-хёну было некуда. Возвращаться в маленькую квартиру не хотелось. А в доме Председателя он обжиться ещё не успел.

Неподалёку, в тени здания, стояла девушка — та самая, что тихо сидела с Пан-соком. Бэтси, кажется. Она курила, и кончик её сигареты неярко искрился в темноте.

— Он тебе понравился? — спросил Тэ-хён, встав напротив девушки. Алкоголь еще не выветрился, и он туго соображал. Ноги плохо держали его, потому он оперся рукой о стену, угрожающе нависнув над её хрупкой фигурой.

Девушка не испугалась, просто посмотрела на него с тоской и жалостью.

— Нет, — просто ответила она.

— Врёшь. Я видел, как ты на него смотрела. Ты ведь не первый раз встречаешь его в этом месте?

— Нет.

Тэ-хён горько рассмеялся. Он оставил девушку в покое и прислонился спиной к холодной стене, задрал голову к небу, на котором качались как на ниточках редкие звёзды. Тоска сжимала его сердце.

— Как же всё достало! Даже пойти некуда. Как будто в этом мире для меня не осталось места. А! А-а! А-ах! — он прокричался, и стало немного легче.

Тут он заметил, что девушка никуда не ушла, а продолжает молча стоять рядом.

— Я тебе противен, да?

— Нет, — она докурила сигарету и уронила окурочек в лужу. Тут он обратил внимание, что она вышла из бара как была, в лёгкой кофточке. А воздух зимней ночи был морозным, да и с моря веяло промозглой сыростью.

— Глупенькая, ты же замёрзнешь, — он попытался снять свою куртку, но запутался в рукаве и долго не мог с ним справиться. Девушка какое-то время смотрела на него удивленно, потом схватила его за борта куртки, запахнула обратно, одновременно прижавшись худенькими локотками к его груди.

— Нет, — прошептала она чуть насмешливо, и посмотрела ему в лицо снизу вверх.

Тэ-хён увидел её глаза, не такие большие как у той женщины, но широко распахнутые, чёрные, привычные и не такие пугающие. Их губы встретились.

— У тебя есть куда пойти? — спросил он между поцелуев.

— Нет, — ответила она, но этот вопрос её совсем не волновал.

В паре кварталов отсюда нашёлся дешёвый мотель для моряков и случайных пар. Тэ-хён шёл, почти не разбирая дороги, ведя Бэтси рядом с собой, не выпуская её из своего тепла. Алкоголь в крови теперь не мешал, он превратился в густой, тягучий туман, который делал всё происходящее похожим на сон.

После всего, когда гул в голове немного утих, а дыхание выровнялось, Тэ-хён почувствовал, как комната наполняется могильным холодом. Неоновый свет из окна окрашивал спину девушки в мертвенно-бледный цвет. Она казалась ещё меньше, ещё беззащитнее, чем там, возле бара на промозгом ветру.

Он лежал, глядя в потолок, и пустота внутри него была такой огромной, что её хотелось заполнить хоть каким-то разговором, хоть какой-то зацепкой за реальность.

— Ты ведь мне всё наврала, да? — негромко спросил он. Его голос в этой тишине прозвучал надтреснуто и чуждо. Он сам не знал, что именно имел в виду: её чувства к Пан-соку, её безразличие или это простое «нет» в ответ на всё, что он пытался в ней разглядеть.

— Нет, — отозвалась она так же тихо.

В этом ответе не было ни вызова, ни желания оправдываться. Это было «нет» человека, у которого не осталось сил даже на ложь.

Она не повернулась к нему. Её рука не скользнула по его груди, не попыталась найти его тепла в этой остывающей постели. Бэтси просто лежала, свернувшись калачиком на самом краю матраса, спиной к нему.

Возможно, она действительно спала, провалившись в глубокое забытие. А возможно, ждала, когда наступит утро, чтобы встать, одеться и навсегда забыть лицо человека, который сегодня искал в ней спасения от самого себя.

Тэ-хён закрыл глаза. В этой тишине он наконец понял: в порту не ищут правду. Здесь ищут только тишину. И сейчас он её получил.

Но даже в эту спасительную, серую тишину, как дурное, навязчивое сновидение, упрямо вплетались зелёные, пугающие, ледяные глаза той женщины.

* * *

Тот взгляд зелёных глаз до сих пор жёг ему кожу, пробиваясь сквозь утреннее похмелье. Он медленно поставил белоснежную чашку с золотой орхидеей на стол. Звон фарфора о мрамор прозвучал в тишине буфета неожиданно резко.

— Значит, Ехидна... — прошептал он едва слышно.

— Ещё кофе?

Сквозь пелену воспоминаний Тэ-хён услышал тихий голос и вздрогнул.

Он поднял голову. Перед ним стояла Чон-нан. Она подошла бесшумно, как тень, или он в своей задумчивости перестал замечать окружение.

Тэ-хён кивнул, не доверяя своему голосу. Когда она наклонилась, чтобы налить, он почувствовал лёгкий аромат — не духи, а что-то домашнее, свежее, как будто она только что вышла из ванной, где кипятили лаванду, и ещё не успела сбросить с себя утреннюю мягкость.

— Спасибо, — сказал он, и губы сами собой растянулись в улыбке.

Она улыбнулась в ответ. На мгновение её взгляд задержался на нём — тёплый, почти заботливый. Потом она отошла, но он чувствовал: она будет смотреть. Издалека. Не из любопытства — как будто проверяя, не исчезнет ли он прямо сейчас.

Сослуживцы за соседними столами продолжали приглушенно перешёптываться, лениво перебирая вчерашний ночной инцидент в порту, как старые бабы — чётки. Тэ-хён слушал их краем уха, но уже не вникал в суть. Все его мысли были заняты Пан-соком.

Он никак не ожидал, что тот нелепый эпизод в баре, который сам Тэ-хён посчитал ничего не значащим пьяным недоразумением, так сокрушительно отразится на его единственном друге.

Пан-сока с самого утра заперли на ковре у руководства, и это не предвещало ничего хорошего.

Да кто эта женщина? Почему все зовут её «Ехидна»?

Если её характер такой же едкий, как это прозвище, то не удивительно, что никто не решается называть её настоящим именем.

Он вспомнил её взгляд — холодный, пронзающий, как сталь. Вчера он попал под него. Плохо, если она его запомнила. Но ещё хуже, если она уже решила, какое место он займёт в её списке тех, кого нужно сломать. В этом доме не прощают слабостей, а он вчера продемонстрировал их целый букет.

— А кто она? О ком они постоянно треплются? — негромко спросил он у соседа по столу — флегматичного телохранителя, не принимавшего участия в общем обсуждении сплетен.

— Ехидна? — переспросил тот, не повышая голоса. — Официально — личный секретарь Председателя, так что зови её строго «писегванним».* (* «Писегванним» — буквально, с корейского «Уважаемая помощница»).

Он произнёс это с лёгким подмигиванием — мимолетным, но чертовски выразительным. Достаточным, чтобы в уважительном корейском термине явственно прозвучало нечто иное, грязное.

Тэ-хён тут же вспомнил слова Сон-мина: «Подстилка!» — хотел выкрикнуть тогда парень. «Любовница!» — закончил бы любой в этом зале мысленно.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. У влиятельного, солидного человека преклонного возраста часто бывала молодая женщина рядом. Это считалось теневой нормой. А уж госпожа Лин-на...

— Парень, держи с ней ухо остро, — наставительно добавил сосед, придвигаясь ближе. — Эта чужестранка намертво околдовала старика. Говорят, она лично убрала двоих старших вице-президентов — нарыла компромат, нашептала Председателю, и тех выкинули из конгломерата за сутки. Из-за неё родные наследники неделями не могут пробиться в кабинет к собственному отцу. Она — безжалостная сука, которая идёт по трупам.

— Но как госпожа Чжин — законная супруга Председателя — всё это терпит? — сорвалось у Тэ-хёна.

Ответа он не получил. В этот самый момент резкий, дребезжащий возглас разрезал воздух столовой, как удар хлыста надсмотрщика.

— Эй! Что вы тут расселись, как на отдыхе?! Работы мало, что ли?!

Все замерли. Даже ленивый смех в дальнем углу увял мгновенно.

В дверях столовой стояла пожилая кореянка в строгом тёмном платье-футляре, с седыми волосами, затянутыми в безупречный, тугий пучок. Фигура — массивный куб, обтянутый тяжелым шёлком. Абсолютно всё в этой матриархальной фигуре заявляло о безграничной власти: каменная осанка, колючий взгляд, командный голос и даже то, как она замерла на пороге — не входя внутрь, а монументально фиксируя своё присутствие.

Управляющая помещьем. Госпожа Квон. Та самая грозная «тётя», про которую Пан-сок на днях рассказывал с явным содроганием в голосе.

— Кто сегодня сопровождает госпожу? — спросила она, ледяным взглядом оглядывая притихший зал. — Машина подана. Она уже у южного крыла. Ждёт.

Тэ-хён ещё не до конца понимал местную субординацию, но поведение коллег сказало ему больше любых инструкций. Все бывалые охранники вдруг сделались невероятно, жизненно занятыми: кто-то с невиданным усердием принялся изучать экран выключенного телефона, кто-то поспешно поднялся, вспомнив, что прямо сейчас обязан находиться в противоположном крыле здания. Желающих исполнять вышеобозначенные обязанности не нашлось.

Но госпожа Квон не собиралась отступить. Её глаза медленно, прицельно прошлись по лицам. И когда она повторила вопрос, её голос стал на порядок тише — и оттого ещё страшнее, — все присутствующие, словно по беззвучной команде дрессировщика, синхронно повернулись к одному человеку.

К нему.

Тэ-хён физически почувствовал, как кровь разом отхлынула от лица.

— Я?! — сорвалось у него.

— А кто же ещё? — тихо фыркнул сосед по столу, трусливо подтолкнув его локтем в бок. — Ты у нас новичок, допуски не распределены, вот и отдувайся. Все остальные на объектах. Шевелись, Кан, пока Квон не пожаловалась старшей госпоже Чжин. Тогда нам всем головы снимут.

Он поднялся со стула. Медленно, тяжело, чувствуя себя приговоренным, который под прицелом конвоя делает свой первый шаг в сторону эшафота.

Пан-сок, где же ты? Почему не пришёл вовремя, чтобы распорядиться как надо?

Глава 3. Личный помощник господина Председателя

Едва Тэ-хён выскочил на улицу, натягивая на ходу форменное укороченное пальто — как в лицо ему ударил ледяной порыв.

Поместье Санбалам стояло в уединении, вдали от шумного Сеула, на крутом склоне горы в районе Пукхансан, и круглый год продувалось насквозь. Летом эти потоки приносили спасительное облегчение от городского зноя, зимой же превращались в сплошное наказание.

Свое имя, означающее «горный ветер», усадьба оправдывала на все сто: здешний воздух пронизывал до самых костей, не оставляя шанса согреться.

Не зная толком планировки огромного Дома, Тэ-хён умудрился заблудиться в бесконечных лабиринтах коридоров и, когда в итоге наконец вывалился на парадную гранитную площадку перед главным входом, там ни машины, ни кого-либо из членов семьи не оказалось. Проклиная всё на свете, пришлось возвращаться обратно так и не выполнив задание.

В холле он тут же столкнулся с госпожой Квон — строгой, как ритуальное дерево у ворот храма.

— Ты до сих пор здесь?! — бросила она, не скрывая раздражения и переходя на ультразвук, не нарушая при этом заветной тишины дома. — Сколько госпожа, по-твоему, должна ждать?

Эта удивительная способность управляющей «кричать шепотом», транслируя чистую ярость без единого громкого звука, окончательно выбила Тэ-хёна из колеи. Он начал было оправдываться, как зелёный новобранец, путаясь в словах.

— Госпожа никогда не пользуется главным входом, если выезжает одна, — холодно отрезала Квон. — Иди на задний двор, к гаражам. Ко входу для персонала.

И, даже не удосужившись проверить, понял ли он её слова, величественно удалилась, оставив за собой шлейф морозного недовольства.

Тэ-хён вынужден был вернуться на служебную половину дома, на ходу мысленно костеря абсолютно всех: Пан-сока — за то, что застрял на ковре и бросил его одного в этом змеином гнезде; других телохранителей — за то, что трусливо промолчали и не предупредили; госпожу Квон — за сухость и неясность приказов; и, конечно, саму таинственную «Госпожу» — кто бы она ни была — за то, что вообще решила сорваться с места в такую рань.

Ноги сами собой перешли на лёгкий бег. Он больше не играл в сурового спецагента из кино. Сейчас он чувствовал себя провалившимся курсантом, которому нужно было прыгнуть выше головы, чтобы просто не вылететь со службы в первые же десять минут.

Она стояла у серебристого «БМВ» спиной к нему — высокая, статная, в тонком чёрном пальто, безупречно подчёркивающим стройную фигуру, и туфлях на опасно тонком каблуке. Резкий, неприветливый ветер яростно трепал широкие полы, то и дело обнажая мелькающий кроваво-алый подклад её пальто, задирали воротник и выбивали пряди из тщательно уложенного на затылке пучка.

Но госпожа не спешила садиться в тёплый салон. Её взгляд был прикован к серым гранитным вершинам Пукхансана, вздымающимся прямо за каменной границей усадьбы, а тонкие пальцы нетерпеливо, ритмично постукивали по циферблату наручных часов.

Здесь, в Пхёнчхан-доне — тихом, уединенном и почти закрытом районе, — воздух всегда казался чище и холоднее, чем в низине. Вокруг раскинулись вековые сосны, массивные каменные ограды и величественные виллы, принадлежащие семьям, чьё богатство измерялось не годами, а поколениями.

Она стояла к нему спиной, но Тэ-хён узнал её мгновенно.

Даже если бы её лицо было наглухо скрыто плотной вуалью — он бы не ошибся. Сердце вдруг яростно рванулось в груди, а затем провалилось в глухую пропасть, будто на лесной тропе он нос к носу наткнулся на затаившегося врага, которого никак не ожидал встретить.

Ехидна — так называли её все. Конечно, за глаза.

Вчера вечером Пан-сок назвал её настоящее имя, но Тэ-хён в хмельном угаре портового бара никак не мог его вспомнить. Личный помощник Председателя... *Писегванним*...

Что за странная должность? Секретарь? Но обычному секретарю не положено иметь служебный «БМВ» премиум-класса, личного водителя и отдельного телохранителя.

Рядом с машиной по стойке смирно замер молодой парень в точно таком же форменном пальто, как у Тэ-хёна. Водитель буквально застыл в почтительном, полусогнутом поклоне, готовый в секунду прыгнуть за руль, и ждал только короткого взмаха её руки.

Как их здесь вышколили! — внутренне поразился Тэ-хён, оценив этот немой триумф абсолютной субординации.

Ветер неприятно охлаждал грудь, и он поспешил запахнуться в пальто плотнее, достал из внутреннего кармана пиджака очки с затемнёнными стёклами и надел их. Эта чёрная пластиковая полоса была ему сейчас необходима как щит — спрятать вчерашнее похмелье, ночное постыдное воспоминание и, главное, собственное замешательство.

Только после этого шагнул вперёд и отрапортовал, как на плацу:

— Телохранитель Кан Тэ-хён прибыл для сопровождения, — и склонился в безупречном, низком корейском поклоне.

Она медленно обернулась.

Не спеша выпрямляться, Тэ-хён продолжал стоять в глубоком поклоне, уставившись в землю. Он мог видеть только её красные как кровь туфли. Он ожидал, пока она примет его. Но женщина медлила, продолжая изучать его склоненную макушку.

— Новичок?! — спросила она, склоняя голову на бок и пытаясь заглянуть в его лицо.

— Так точно.

— Поднимись! — приказала она.

Тэ-хён не послушался. По строгим корейским правилам субординации, младший по званию не имел права разгибать спину, пока старший не закончит осмотр. Он демонстративно играл в идеального солдата.

— Подними голову! — приказала она резче.

Пришлось повиноваться. Тэ-хён медленно выпрямился, но очки снимать не стал. Реальной надобности в них, конечно, не было: утреннее небо хоть и не затянуло тучами, но неяркое солнце спряталось где-то за плотной белёсой пеленой. Однако, когда он наконец посмотрел на неё сквозь тёмный пластик, в её огромных зелёных глазах горело вовсе не мимолетное раздражение — там бушевала чистая, концентрированная ярость.

Она его узнала. Мгновенно.

— Вы со мной не поедете, — отрывисто и твёрдо отрезала она.

Тэ-хён почувствовал, как внутри у него всё натурально похолодело. Будь его воля, он и сам бы с радостью развернулся и ушёл, но получить категорический отказ в первые же десять минут службы... Это был сокрушительный приговор всей его профессиональной пригодности. Пан-сок, поставивший на него свою репутацию перед Председателем, окажется опозорен.

— Простите, госпожа... э-э... Но мне сказали, что вы спешите. Искать другого телохранителя будет долго.

— Ничего. Обойдусь. Заводи машину, Гиль-у. У меня нет времени.

Молодой водитель бросился открывать дверцу.

Тэ-хён мгновенно понял: это его последний, единственный шанс. Если он сейчас послушно отступит и сделает шаг назад, этот нарядный экспресс под названием «Синджин

Групп» навсегда уедет без него, а сам он так и останется гнить на заброшенном перроне своего позорного прошлого.

— Простите, госпожа Лин, — произнёс он громко и чётко. — Но я получил приказ сопровождать вас. Значит, я еду.

Она замерла, так и не успев сесть в салон. Её тонкие пальцы, обтянутые дорогой чёрной кожей перчатки, с силой сжали полированный край автомобильной дверцы. Тэ-хён отчетливо увидел, как хищно дрогнули крылья её ноздрей.

Женщина медленно, дюйм за дюймом, повернула к нему голову. Её взгляд, и без того не суливший ничего хорошего, стал почти осязаемо колючим.

— *Госпожа Лин?* — повторила она, пробовав это сочетание на вкус, как яд. — Вы не только вчерашний перегар не выветрили, вы ещё и читать не научились, Кан Тэ-хён? Моё имя — Лин-на. Целиком. Без сокращений и ваших фамильярных фантазий. Запомните это, прежде чем я велю стереть вас из списков персонала, несмотря на покровительство вашего друга.

Было просто поразительно, с какой пугающей лёгкостью эта иностранка умудрялась совмещать безупречную вежливость с уничтожающим презрением.

Она стояла перед ним под порывами горного ветра — высокая, статная, убийственно надменная. Таких глубоких зелёных глаз во всей Южной Корее было не сыскать.

Тэ-хён подметил, что под ними залегли тёмные, едва заметные тени: то ли природная особенность тонкой европейской кожи, то ли следствие той самой бессонной портовой ночи. Но на утреннем морозе её бледные щёки покрыл красивый, лихорадочный румянец, который пугающе и странно контрастировал с её ледяным, застывшим взором.

Претензия писегванним была убийственной и логичной. Но на кону сейчас стояла не только будущая карьера самого Тэ-хёна, но и репутация Пан-сока, который поручился за него перед хозяином империи. Отступить было некуда.

— Простите, писегванним, — неожиданно раздался твёрдый, но глухой голос из-за спины Тэ-хёна. — Это полностью моя вина. Я был задержан Председателем и не успел лично распорядиться, кто поедет с вами. Кан Тэ-хён — новичок, он ещё не знает всех протоколов.

Это был Пан-сок.

Он выскочил из дверей особняка как был — в одном пиджаке, настезь распахнутом под ледяными порывами ветра, — и поспешно приблизился к ним. Тэ-хён вдруг понял: последняя, самая ядовитая фраза Лин-ны про увольнение предназначалась именно для ушей начальника охраны. Должно быть, писегванним заметила его приближение гораздо раньше, чем он подошёл, и сознательно била по живому.

Пан-сок встал плечом к плечу с Тэ-хёном и почтительно склонил голову. В глазах Тэ-хёна этот жест выглядел почти дико. Железный начальник Службы Безопасности Дома Чжин склонялся перед иностранкой с покорностью верного слуги. Не пристало человеку его положения и веса так гнуться перед штатным секретарем.

«Неужели слухи не врут?» — вновь шевельнулась в голове Тэ-хёна злая мысль. — *«Неужели она и впрямь любовница Председателя?»*

— Распорядитесь в следующий раз заранее, господин Квон, — сухо ответила Лин-на, проигнорировав его извинения. — А сейчас я поеду только с Гиль-у, как и всегда. У меня нет времени на утренние разборки. И будьте добры, научите своего подчинённого правильно ко мне обращаться, если хотите, чтобы он остался служить в поместье Санбалам.

Она резко повернулась к автомобилю.

Тэ-хён краем глаза видел, как Пан-сок замер, не разгибая спины и удерживая тяжёлый почтительный поклон до тех пор, пока кроваво-красный подклад её пальто не исчез в салоне, а тонированное стекло «БМВ» наглухо не отрезало её от внешнего мира.

Тэ-хён перевел взгляд на друга, заметил его побелевшие от скрытой ярости или боли костяшки сжатых кулаков и окончательно понял: госпожа Лин-на — это не просто капризное

руководство. Это смертный приговор любому, кто опрометчиво решит играть с ней в кулуарные игры.

«Вот стерва», — пронеслось в голове.

— Вы что-то сказали? — вдруг раздался её ледяной голос.

Задняя дверца представительского седана приоткрылась на пару дюймов, и Лин-на сквозь щель пронзительно взглянула на застывшего Тэ-хёна.

— Никак нет! — пулей выпалил Тэ-хён, чувствуя, как у него от неожиданности буквально спёрло дыхание.

Она мысли мои читает?

Женщина из глубины роскошного салона бросила на него долгий, недоверчивый взгляд, после чего Гиль-у поспешно, со всем почтением закрыл дверцу.

— Ну, чего стоишь? — бросил Пан-сок, наконец выпрямляясь. — Занимай место рядом с водителем. Будешь сегодня охранять госпожу Лин-ну, а там посмотрим. И приведи себя в порядок, смотреть тошно.

Он скользнул глазами по тщательно уложенной чёлке Тэ-хёна, которая на ветру потеряла всю свою прелесть. Тэ-хён машинально отдал честь.

— Есть, привести себя в порядок!

— Хватит дурачиться. Мы давно не на плацу, Кан, — устало, почти обречённо отмахнулся Пан-сок и, резко развернувшись, зашагал обратно в тёплое нутро особняка.

Тэ-хён не стал терять ни секунды. В два широких прыжка он обежал плавно трогаящийся с места серебристый «БМВ» и коршуном впрыгнул на переднее сиденье — как раз в тот самый момент, когда Гиль-у нажал на педаль газа. Тяжёлая дверь захлопнулась, отрезая их от морозного ветра Санбалама, и салон наполнился глухой, давящей тишиной.

Если Лин-на и хотела сейчас приказать водителю затормозить и вышвырнуть наглого новичка на асфальт — она этого не сделала. Тэ-хён спиной чувствовал её ледяное присутствие на заднем диване. Эта женщина слишком ценила свое время и свой статус, чтобы тратить их на мелкие уличные скандалы и пререкания с обслугой. Она приняла этот ход Пан-сока. Но её молчание затылком ощущалось как взведённый курок.

На повороте Тэ-хён оглянулся: Пан-сок всё ещё стоял у подъезда и смотрел им вслед.

Странно. Абсолютно всё в этой утренней встрече казалось Тэ-хёну неправильным, выбивающимся из логики. Откуда у простой наёмной помощницы столько царских привилегий и высокомерного гонора? Почему даже тёртый жизнью, суровый Пан-сок кланяется ей с такой обречённой покорностью, словно она — старшая в роду Чжин?

Всю дорогу до подножия горы Тэ-хён лихорадочно ломал голову, физически чувствуя затылком её пристальный, тяжёлый взгляд. Он лишний раз боялся даже пошевелиться — дорогое кожаное кресло предательски поскрипывало при малейшем движении.

А ещё — ему показалось, или в воздухе на миг всплыл странный, храмовый запах? Тёплый, глубокий, древесный аромат благовоний, какой обычно въедается в стены старых буддийских святилищ. Тэ-хён незаметно поискал глазами источник. Водители часто вешают на зеркало пахучие безделушки, но салонный ароматизатор «БМВ» источал совершенно иной, едва уловимый хвойный шлейф.

«Наверное, почудилось сквозь похмелье», — мысленно отмахнулся он.

Но на самом дне сознания профессионального военного остался чёткий маркер: что-то было. И Тэ-хён никак не мог взять в толк, почему этот мимолетный, почти призрачный запах вызвал у него такое острое, липкое предчувствие беды.

Куда мы едем в такую рань? Все магазины и салоны ещё закрыты...

А что ещё делать любовнице уважаемого человека? Наряды выбирать да красоту наводить. Так почему ей дома не сидится в такую рань?

За окном проплывали загородные виллы за глухими заборами, потом они сменились на бесконечные ряды высотных апартаментов. По мере приближения к центру улицы наполнились всевозможными торговыми центрами, и зданиями с витринами закрытых бутиков и салонов красоты. За стёклами мелькали силуэты персонала — кто-то вытирал пыль, кто-то включал свет, готовясь к открытию.

Тротуары города были заполнены жителями столицы, все спешили по своим делам. Здесь не было ни жен, ни любовниц богатых бизнесменов, чье утро начинается неспешно с контроля уровня коллагена и расслабляющей йоги на коврик у панорамного окна.

Тэ-хён невольно бросил взгляд в зеркало заднего вида. Госпожа Лин-на как раз поправляла причёску, растрёпанную ветром.

Она выглядела почти безупречно — но теперь Тэ-хёну было предельно ясно: утро этой женщины начинается далеко не с расслабляющего визита к стилисту. В её точных, выверенных движениях сквозила резкость человека, который привык отдавать приказы и подчинять себе обстоятельства, а не покорно следовать салонным процедурам.

Она аккуратно заправила выбившийся локон у виска, и Тэ-хён заметил, насколько сосредоточен, собран и суров её взгляд. Иностранка не любовалась собой в зеркале. Она хладнокровно проверяла готовность своей «брони» перед неизбежным выходом в свет.

В Пхёнчхан-доне на мягких диванах жили изнеженные жёны и содержанки чеболей. Здесь же, на заднем сиденье «БМВ», сидел готовый к бою солдат.

Наконец машина плавно остановилась у парадного входа в высотное здание — стеклянную башню, уходящую в утреннюю дымку, будто пытаясь проткнуть серое небо Сеула. Гладкий фасад из тёмного стекла и матового бетона отражал лучи тусклого зимнего солнца, ещё не прогревшие город. Над входом — ни рекламы, ни броских огней. Только строгая арка из чёрного гранита и два охранника в безупречных костюмах, стоящие как статуи.

Тэ-хён выглянул. Ни вывески, ни указателя.

Где мы? — пронеслось в голове. — Штаб-квартира? Бизнес-центр?

Водитель деловито кашлянул — коротко, с лёгкой интонацией, будто давая понять: *«Ну что, новичок, давай, включайся».*

Тэ-хён моргнул. И тут его осенило:

Дверца!

Он спохватился, выскочил из машины, чуть не зацепившись за порог. Схватился за ручку дверцы с опозданием.

Лин-на уже сама открыла её и спускала на тротуар ножку в красной туфле на шпильке — медленно, с холодной грацией. Из полутени салона она бросила на телохранителя уничтожающий взгляд, как наказание за его нерасторопность. Только после этого она вышла из машины, поправила пальто и, не оглянувшись, направилась к входу.

— Гиль-у, не уезжай далеко, — бросила она, не замедляя шага. — Заберу документы — и поедem.

— Слушаюсь, госпожа Лин-на, — ответил водитель.

Тэ-хён уловил в его голосе лёгкую, почти незаметную улыбку человека, который чувствовал себя в этой игре как рыба в воде.

— Я отъеду на пару метров, чтобы эти истуканы не пялились на нас.

— Как знаешь. Только не пропадай из вида.

Она, не оборачиваясь, махнула ему рукой в перчатке, словно они были приятелями. Тэ-хён открыл рот: *«Что надо было сделать, чтобы заслужить такую милость?»*

Он понял, что здесь, в этом стеклянном лабиринте Сеула, правила Пан-сока не работают. Здесь нужно не просто выполнять протокол, а чувствовать ритм этой женщины. Ритм, в который он, со своим похмельем и запоздалыми реакциями, катастрофически не попадал.

И, опять же с опозданием, он двинулся следом за Лин-ной. Она стремительно удалялась от машины — стройная, собранная, безукоризненная. Стук её каблучков отмерял пространство, как секунды.

У входа в здание охранники мгновенно выпрямились. Один из них — с проседью, в безупречной форме — склонил голову:

— Доброе утро, госпожа Лин-на.

Она лишь коротко кивнула и прошла мимо.

Тэ-хён догнал её и примерился к ритму её шагов, следуя немного позади. Они прошли через весь вестибюль к турникетам. Госпожу Лин-ну пропустили без пропуска. Не удивительно, что при ней кроме телефона и красного блокнота в тон туфель ничего не было. Ни сумочки, ни портфеля — ничто не обременяло её на пути к цели.

А вот перед Тэ-хёном турникет захлопнулся намертво. Он показал свой бейдж — на котором значилось, что он личный телохранитель, но охранник у стойки лишь покачал головой.

Он ничего не мог сделать, пропуск из поместья Санбалам здесь не действовал.

— Я — телохранитель. Я должен сопровождать госпожу, — крикнул Тэ-хён.

Охранник остался глух к его просьбе.

Лин-на обернулась — и удивилась. На лице мелькнуло не раздражение, а искреннее недоумение: «*Почему ты здесь?*»

Секунду она оценивала ситуацию.

— Остаюсь в машине, — сказала она ему через турникет. — Здесь мне охрана не нужна.

Тэ-хён замешкался. Ему приказали сопровождать. Но где проходит грань? Кто определяет, что значит «сопровождать»?

Лин-на не стала ждать. Она спешила.

Тэ-хён застыл перед заблокированным турникетом, чувствуя себя глупо и беспомощно. Этот «стеклянный лабиринт» выплевывал его, как инородное тело. Ему только что сказали, что он бесполезен.

Он вынужден был уступить и вышел на улицу. Теперь, в более спокойной обстановке он смог осмотреться и что-то смутно знакомое мелькнуло в голове.

Тэ-хён отошёл ещё немного к тротуару, задрал голову — и взгляделся в верхние этажи, будто мог взглядом проникнуть сквозь толщу стекла и железобетона.

И вдруг вспомнил.

Это было *оно*. То самое здание.

Здесь всё и начиналось.

На одной из этих высот его старая жизнь оборвалась — как трос на люльке, стоя в которой он мыл окна.

Он не помнил этаж. Но помнил всё остальное... Запах химии... Вибрацию металла под ногами... Холод в пальцах... И голос в рации — спокойный, уверенный: «*Держись. Сейчас вытащим*».

Потом его вытащили. Вон туда, на ту самую площадку...

Как же давно это было! А ведь прошло всего два месяца.

Гиль-у ждал его у машины и дружелюбно крикнул, перегнувшись через крышу «БМВ»:

— Не переживай. Она скоро вернётся. Никто её там не тронет.

Это была штаб-квартира «Синджин Групп». Здесь, в этой башне, начинался путь к его новой жизни. Тэ-хён смотрел на зеркальные этажи, и у него заныли старые шрамы на ладонях. Те самые, от впившегося в кожу троса.

«Синджин Групп». Гнездо, которое он чистил снаружи, теперь впустило его внутрь. Он чувствовал себя микробом, который попал в кровоток гиганта. Гиль-у был прав: здесь её не

тронут. Но Тэ-хён не мог отделаться от мысли, что опасность — это не то, что угрожает Лин-не. Опасность — это то, что Лин-на заберёт из этой башни в своем красном блокноте.

Гиль-у говорил как бывалый — с лёгкой усталостью и тёплой иронией. Несмотря на молодость, он обладал большим опытом работы с госпожой и пытался подбодрить новичка.

«Не стоит злиться, — напомнил себе Тэ-хён. — Нам ведь ещё вместе работать».

Они сделали небольшой, размеренный круг по кварталу, чтобы не мозолить глаза охране у входа, и Гиль-у плавно припарковал седан чуть поодаль. Отсюда парадный гранитный козырек высоты просматривался идеально. Водитель замер, положив руки на руль и держа двигатель заведенным, готовый рвануть с места, как только госпожа писегванним покажется в стеклянных дверях башни.

— И часто она сюда приезжает? — спросил Тэ-хён, не отрывая взгляда от здания.

— А что тебя так удивляет? — хмыкнул Гиль-у. — Работа у неё такая.

— Разве она не должна неотлучно сопровождать Председателя? Караулить его у дверей, носить папки?

— Зачем? — водитель снисходительно усмехнулся. — Наша писегванним — птица высокого полёта, чтобы работать мальчиком на побегушках. Она фигура полностью самостоятельная.

Тэ-хён промолчал, чувствуя, как в голове окончательно путаются все мысли. Кулуарные сплетни сослуживцев в столовой трещали по швам. Так кто же она, чёрт возьми, такая? Секретарь? Наёмница? Или все-таки содержанка?

— Значит, она далеко не просто секретарь...

— Нет, — Гиль-у легко, искренне рассмеялся, покосившись на напарника. — Тебя, похоже, вообще не ввели в курс дела? Ну, Пан-сок дает... Как бы тебе это попроще объяснить... Официально она чхонин, личное доверенное лицо. А если на понятном языке... «Крестного отца» смотрел? Был там такой персонаж, Том Хаген. Консильере. Правая рука, советник и главный юрист дона. Вот наша Лин-на и есть такой консильере. Только в юбке.

Гиль-у остался искренне доволен собственным красноречием и теперь с откровенным, живым интересом наблюдал за реакцией напарника. Тэ-хён был немало озадачен. В суровом, консервативном до мозга костей корейском бизнесе патриархи неохотно подпускали женщин к реальной власти.

— А разве женщин вообще берут на такую работу? В конгломератах?

— В этой семье берут тех, кто умеет кусаться и рвать глотки, — цинично пожал плечами водитель. — У Лин-ны голова работает как квантовый суперкомпьютер, а хватка такая, что наш великий и ужасный начальник СБ Чо Тэ-сан рядом с ней кажется комнатной болонкой. Председатель доверяет этой чужестранке больше, чем родному сыну.

Гиль-у на секунду умолк, взглядываясь в серое марево сеульской улицы, а затем добавил тише, со знанием дела:

— Но ты не думай, парень, что она тут полноценная хозяйка. В «Синджин Групп» у каждого своя роль. Наследники — это кровь и официальный фасад. Чо Тэ-сан — цепной пес на воротах. А Лин-на... Она для Патриарха и идеальное оружие, и высшая роскошь. Понимаешь? Старик ведь у нас из старой гвардии, а у этих королей свои причуды. Наш Председатель любит вещи, которых больше ни у кого нет. Редкий антиквариат, штучный фарфор... и вот её. Экзотический зверь на невидимом поводке. Он ею хвастается перед другими чеболями, как самым дорогим трофеем в своей коллекции, и в то же время решает её руками разные дела. Она — его личный аватар. И пока старик жив и держит этот поводок в руках, госпожа Лин-на неприкосновенна.

— А почему её все зовут... просто Лин-а, — Тэ-хён постарался на этот раз правильно выговорить имя.

— Лин-на́, — тут же с жёстким ударением на последний слог поправил его Гиль-у. — Госпожа Лин-на. Зови её «госпожа Лин-на» или «писегванним». *Лин...* Ну, ты учудил сегодня утром! Это надо же было додуматься — назвать нашего консильере ласковым домашним именем! Все равно, что волка котёнком кликнуть или «малышкой» обозвать.

Он звучно хохотнул и забавно покачал головой, явно предвкушая, как вечером под соджу будет в красках пересказывать этот эпический анекдот остальным парням в казарме.

— У неё что, вообще фамилии нет? — спохватился Тэ-хён, ухватившись за странную деталь. Было дико и глубоко неправильно обращаться к женщине такого статуса просто по имени — в Корее это считалось верхом панибратства. Это его и смутило на крыльце: он искренне думал, что «Лин» — её фамилия. Как в китайском.

Гиль-у снова дёрнул плечами, на этот раз озадаченно. Как будто он сам никогда не задавался этим вопросом.

— Лин-на и Лин-на... Все как-то привыкли к этому имени. Говорят, она иностранка, вроде бы из Италии. Никто не знает её настоящего имени. Наверно, оно известно только Председателю. Но никто не знает, кем она была до того, как вошла в кабинет Чжин До-джуна.

— Но как человек в нашей стране может жить и вести дела вообще без фамилии? — Тэ-хён искренне не понимал.

— С таким прикрытием как Председатель, что ей может грозить? Он ведь её не просто на работу нанял. Он её буквально слепил с нуля. Обогрел, выучил нашему чёртову языку, манерам, вложил в её руки такую власть, от которой у всего Каннама поджилки трясутся. Но без Председателя она здесь никто. Пустое место, фантом. А фантому зачем фамилия? Вот потому она и Лин-на.

Теперь картинка в его голове наконец начала складываться, и от этого монолита чужой тайны веяло леденящим холодом.

— Они настолько близки? — Тэ-хён понизил голос, вглядываясь в зеркальные двери высоты.

— Скажу тебе так, новичок, — Гиль-у перевёл взгляд на заведённый замок зажигания. — Она — единственная во всей «Синджин Групп», кто решает, что Председатель вообще скажет «да». Помни об этом всякий раз, когда открываешь перед ней рот.

Тэ-хён снова повернулся к стеклянной башне, уходящей в хмурое небо. Консильере. Теперь он наконец понимал, почему от этой чужестранки веяло такой необъяснимой, почти мистической угрозой. Она была верховной жрицей в этом бездушном технологичном святилище, а он, как последний дурак, умудрился назвать её на крыльце «госпожой Лин».

Тэ-хён физически почувствовал, как внутри всё сжалось от нехорошего предчувствия: он заступил на службу не просто к влиятельной женщине, а к безжалостной стихии, которая органически не прощает ошибок.

— Да ты не бойся её так, парень. Она не кусается, — заметив его ступор, примирительно хмыкнул Гиль-у. — По крайней мере, точно не с утра. Просто госпожа Лин-на любит, когда всё работает как швейцарские часы, и патологически не терпит задержек.

Иностранка. Консильере. Женщина без фамилии, без рода. Приручил её. Дал ей власть. Будто она вещь какая-то, а не человек.

— Парень, тебе лучше пойти и встретить её у входа, — негромко напомнил Гиль-у, прервав его размышления. — Заработаешь себе пару очков после утреннего косяка.

Тэ-хён мгновенно стряхнул с себя задумчивость и вспомнил о прямых обязанностях. Пара очков, конечно, едва ли спасли бы его шаткое положение, но лишний раз нарываться на ледяное недовольство этого существа не хотелось совершенно.

Он подошёл к стеклянным дверям как раз вовремя. Должно быть, за годы безупречной службы у Гиль-у выработалось какое-то мистическое, звериное чутьё на тайминг своей

хозяйки. Госпожа писегванним как раз вышла из зеркальной кабины скоростного лифта в глубине холла и стремительно направилась к проходной.

Она шла точно так же, как и прежде — летящей, уверенной походкой, словно физически не замечая никаких препятствий на своём пути, и все автоматические двери распахивались перед ней мгновенно, будто повинуюсь одному лишь её взгляду.

Тэ-хён подметил деталь: на этот раз в руках, обтянутых чёрной кожей перчаток, она крепко прижимала к груди тонкую серую папку.

Тэ-хён вовремя рванул на себя тяжёлую внешнюю дверь, блокируя плечом сектор обзора с улицы. Лин-на проскользнула мимо, обдав его утренней прохладой и тем самым едва уловимым запахом — смеси древесной смолы и холодной камфоры, — мгновенно вернув его к утреннему вопросу о знакомом запахе.

Теперь он знал — это её запах. Вот только что он ему напоминал и почему так тревожил?

Сев на заднее сиденье и дождавшись, пока Тэ-хён пулей займет свое место впереди, она отрывисто приказала:

— Поспешите, Гиль-у. У нас осталось всего двенадцать минут до начала встречи.

— Слушаюсь, госпожа, — бодро отозвался водитель, врубая передачу и плавно вдавливая педаль газа в пол. — Сделаю всё в лучшем виде.

Серебристый седан с тихим шуршанием шин сорвался с места, мгновенно встраиваясь в плотный утренний поток сеульского трафика.

Управляться с машиной он умел мастерски, знал улицы Сеула, как свои пять пальцев, и мог объехать почти любые пробки. И всё же они опоздали на три минуты.

— Вы опоздали, госпожа *Лин-на-я!*

Второй раз за день её имя было искажено непозволительным образом. Но на этот раз — намеренно, с изощрённой, садистской жестокостью. Тэ-хён физически почувствовал, как воздух вокруг его хозяйки мгновенно превратился в жидкий азот.

Голос говорившей был сильным, глубоким и пропитанным той леденящей фамильярностью, от которой у Тэ-хёна, даже несмотря на похмелье, болезненно заныли зубы.

Он медленно повернул голову к источнику звука.

Госпожа Лин-на остановилась на почтительном расстоянии от дамы, которая сидела в удобном кресле за столиком у окна в совершенно пустой зале ресторана.

Бросив на госпожу помощницу короткий взгляд, Тэ-хён заметил, как её едва уловимо внутренне передёрнуло. Он почувствовал, как кровь прилила к лицу. Это его задержка дала повод для этой грубой игры.

Однако, внешне госпожа Лин-на осталась совершенно спокойной, и даже сделала глубокий поклон, как положено младшей перед старшей. Поклон был отточено формальным, будто она выучила его по учебнику этикета, но никогда не чувствовала его смысла.

Тэ-хён едва успел осмотреться. В таком роскошном месте он ещё никогда не бывал и немного робел. Зал был пуст — ни одного посетителя, кроме женщины в дорогом наряде и с бриллиантовой брошью, которой был застегнут бант её воздушной блузы, скрывавший стареющую кожу шеи.

Двое телохранителей, как эбеновые статуи, стояли неподалеку, охраняя покой своей госпожи. На столе — блюдце с недоеденным шоколадным фонданом, из которого поднимался лёгкий пар, будто душа раскаяния.

Женщина даже не потрудилась поднять голову, приветствуя Лин-ну. Она продолжала медленно, демонстративно отламывать серебряной вилочкой крошечные кусочки от шоколадного бисквита, словно сомневаясь, стоит ли вообще его есть. Тяжёлое, давящее молчание вынуждало Лин-ну покорно ждать стоя, и со стороны это выглядело изощрённым унижением.

«*Кланяйтесь, кланяйтесь, госпожа Лин-на!*» — мысленно умолял Тэ-хён, понимая, что в корейских реалиях только подчёркнутое, абсолютное почтение может хоть как-то спасти провальное положение. Сам он, не дожидаясь приказов, послушно склонил голову перед хозяйкой стола.

Но госпожа Лин-на стояла прямая как свечка. В элегантном чёрном пальто она выглядела, как призрак, случайно попавший в мир живых. А красные туфли сияли как кровь на бело-снежном мраморе респектабельного ресторана. Во всём её облике было столько чуждого и несоответствующего этому месту, что от её присутствия веяло откровенной враждебностью.

Тэ-хён внутренне сжался. Ему показалось, что эта иностранка попросту не понимает жестких законов корейского социума и по глупости пытается держаться на равных с этой могущественной госпожой. Такое вызывающее поведение едва ли могло способствовать удачному финалу их утренней миссии.

Однако Лин-на заговорила, и её журчащий корейский говор прозвучал обманчиво мягко:

— Я искренне прошу прощения за то, что заставила вас ждать, госпожа Пак. Встреча была назначена так внезапно, что мне не хватило времени подготовиться. Зато эти несколько минут дали вам уникальную возможность насладиться этим чудным десертом в тишине.

Она едва заметно кивнула на тарелку с бисквитом, который выглядел слишком калорийным и жирным для женщины солидного возраста, судорожно пытающейся следить за увядающим здоровьем. Госпожа Пак, очевидно, не сумела устоять перед мимолетным соблазном сладкого, и теперь, судя по её поджатым губам, помимо секундного удовольствия испытывала глухое эстетическое сожаление.

Слова гостьи разозлили её, и гнев вспыхнул как спичка.

— Я не вас здесь ждала, а самого Председателя! — яростно процедила она, со звоном швырнув вилочку на фарфор.

Тэ-хён замер. Он видел идеальный затылок Лин-ны — ни один волосок в её пучке даже не дрогнул от яростного крика госпожи Пак. Она стояла неподвижно, как гранитная скала, о которую с шипением разбилась эта грязная истеричная волна.

«Она не просто дерзит, — мелькнуло у него в голове, пока похмелье окончательно вылетало из мыслей. — Она сознательно выманивает зверя из норы».

Тэ-хён невольно перенёс вес тела на носки ботинок. В спецназе это называлось «точкой контакта». Контакт состоялся, ставки взлетели до небес, и теперь из этой пустой залы выйдет только один победитель.

— И тем не менее, госпожа Пак, вам придётся иметь дело со мной, — Лин-на не позволила оппонентке насладиться вспышкой триумфа. — Председатель, к сожалению, сегодня крайне занят и не имеет ни малейшей возможности присутствовать на встрече лично.

Она, не дожидаясь больше приглашения или позволения сесть, сделала решительный шаг прямо к столику.

Двое телохранителей госпожи Пак синхронно рванули с места, заступая ей дорогу. Их тяжёлые ладони уже взлетели в воздух, намереваясь жёстко применить силу и оттолкнуть иностранку назад, если та продолжит движение.

Тэ-хён сработал на чистых армейских рефlekсах — отточено, своевременно, на долю секунды опережая чужие выпады. Он рванул вперёд, буквально вклиниваясь между Лин-ной и нападавшими. Защищая её от чужих рук, он оттеснил женщину назад, накрыв её плечо своей широкой, тяжёлой ладонью и полностью загородив её миниатюрную фигуру своим мощным корпусом.

В ту же секунду Тэ-хён почувствовал, как Лин-на под его пальцами судорожно, мертво окаменела. Её тело прошил такой мощный, дикий спазм, словно его прикосновение удавило её током или обожгло калёным железом.

Тэ-хён не успел об этом подумать — он развернулся и взгляды его и чужих телохранителей встретились, как обнаженные мечи. Полетели невидимые искры. Тэ-хён едва заметно повёл плечом, давая понять: ещё один сантиметр вперёд, и он начнёт ломать кости.

— В сторону! — скомандовала госпожа Лин-на.

Её хрипловатый голос прозвучал сдавленно, будто ей внезапно перестало хватать воздуха. Тэ-хён спиной почувствовал, с каким колоссальным, почти паническим усилием она заставляет себя дышать.

Лин-на брезгливо отодвинула Тэ-хёна, словно его прикосновение было для неё физически невыносимо. Шагнула мимо него и одним лишь ледяным, безумным взглядом заставила амбалов госпожи Пак попятиться и расступиться.

— Руками не трогать! — отрывисто процедила она, обращаясь уже ко всей зале, но Тэ-хён кожей почувствовал, что этот приказ в первую очередь предназначался ему самому.

Она демонстративно приподняла руки, показывая, что в её кожаных перчатках кроме блокнота и серой папки ничего нет, и никакого физического вреда госпоже Пак она причинить не может.

Хозяйка стола оценила ситуацию и сделала едва заметный жест, приказывая своим людям отойти — с явным опозданием и глубокой неохотой. Охранники вернулись к белоснежной колонне, но Тэ-хён уже не сводил с них глаз.

Он медленно выпрямился, а в его голове набатом стучала одна-единственная мысль. Эта женщина, этот железный консильере империи Чжин, которая только что на его глазах морально растоптала аристократку и не побоялась идти наперерез чужим амбалам, панически боится... обычного человеческого тепла. Обычного физического контакта.

Лин-на неторопливо опустилась в кресло напротив Пак, сохраняя безупречную осанку.

— Итак, давайте поговорим о деталях вашей сделки...

— Я не разговариваю с чужими шавками, — брезгливо оборвала её аристократка, даже не глядя на документы. — У господина Чжина не хватило смелости явиться лично?

Лин-на не дрогнула. Лишь на долю секунды замерла, чуть сильнее сжав пальцами серую папку, будто взвешивая, стоит ли вообще опускать её на скатерть. А затем — резким, уверенным движением положила её прямо перед госпожой Пак.

Она, несомненно, прекрасно знала истинное значение слова «шавка», несмотря на всё несовершенство своего корейского. Но сегодня здесь, в этой пустой зале, она представляла личный голос Председателя. И любое оскорбление, брошенное в её адрес, автоматически становилось прямым оскорблением самому Патриарху.

— Этот вопрос попросту не его уровня, — ледяным тоном отозвалась Лин-на, и её зелёные глаза опасно сузились. — И он совершенно не нуждается в личном присутствии Председателя.

— Да как ты смеешь... — задыхнулась от возмущения госпожа Пак.

Она резко приподнялась из-за стола, тяжело опершись ладонями о мраморную столешницу, готовая отдать своим амбалам финальный приказ выволочь наглуую чужестранку вон из ресторана.

Лин-на негромко, но весомо прихлопнула ладонью по кожаной обложке.

— Сядьте. Нам действительно есть о чём поговорить.

Её ледяной тон больше не подразумевал обсуждения условий банальной коммерческой сделки. Она неуловимым движением приоткрыла серую папку, позволяя госпоже Пак лишь мельком, на долю секунды взглянуть на её содержимое, и тут же со стуком захлопнула документы обратно.

Этого короткого мгновения оказалось более чем достаточно, чтобы с высокомерной аристократки разом слетела вся её светская спесь. Лицо госпожи Пак мгновенно приобрело землистый оттенок.

Тэ-хён стоял на том расстоянии, на котором его остановил заслон телохранителей госпожи Пак, чувствуя, как адреналин окончательно выжиг остатки алкоголя в крови. Он смотрел на «эбеновые статуи», готовый к самым решительным действиям. И понимал: сейчас за этим столом происходит убийство. Без ножей и выстрелов.

Лин-на не спорила и не повышала голоса — она просто методично выкладывала на стол факты, которые весили сейчас гораздо больше, чем всё золото и спесь Пхёнчхан-дона.

«Нет, она далеко не шавка, — подумал Тэ-хён, не отрывая восхищенного взгляда от её безупречно прямой спины. — Она — матерый волкодав. И она только что намертво вцепилась вам в горло, госпожа Пак».

В огромном ресторане стало настолько тихо, что Тэ-хён отчётливо услышал, как за толстыми стёклами панорамных витрин шуршит по асфальту сухая февральская пыль.

Игра бесповоротно изменилась. Упоминание компрометирующих фотографий мгновенно перевело раунд в плоскость жёсткого шантажа и неотвратимого семейного позора.

Тэ-хён, повидавший немало грязных дел за годы службы и трибунала, сразу понял: Лин-на принесла в этот пустой зал не юридические бумаги. Она принесла смертный приговор репутации и будущему госпожи Пак.

— Сегодня подобные фотографии легко подделать, — предприняла отчаянную попытку защититься аристократка, но её голос предательски дрогнул.

— Вы сами прекрасно знаете, что это абсолютная правда, — Лин-на осталась непреклонна. — При необходимости я могу предоставить и оригиналы видеозаписей, но не думаю, что их демонстрация уместна в столь уважаемом заведении.

— Вы следили за мной? — госпожа Пак бессильно опустилась обратно в кресло, и в её глазах закипела лютая, беспомощная ненависть. — Я всегда знала, что старик Чжин использует грязные методы. Все в Сеуле прекрасно знают, как именно он разбогател!

— Исключительно честным трудом и безумной, фанатичной преданностью своему делу, — отрывисто отчеканила Лин-на, не позволив оппонентке осквернить имя своего создателя.

Госпожа Пак горько и бессильно хмыкнула, признавая свое поражение.

— Чего именно вы хотите?

— Землю.

— Она моя по праву.

— Председатель предлагает вам за неё хорошую цену.

— Ещё бы, — фыркнула та, — ведь без этого куса земли конгломерату не видать масштабного строительства как своих ушей. У меня были свои планы на этот участок.

— Именно поэтому мы и предлагаем вам столь колоссальные деньги, — Лин-на осталась ледяной и прагматичной. — Это действительно выгодная сделка для обеих сторон. Но если вы на неё не пойдете...

Она многозначительно, ритмично постучала тонкими пальцами по серой обложке, которая всё ещё лежала на скатерти. Намёк был прозрачен как стекло. Госпожа Пак выглядела окончательно загнанной в угол, её дыхание стало тяжёлым и неровным.

Тэ-хён почувствовал, как по позвоночнику пробежал холодок. Он смотрел на профиль Лин-ны и видел в ней не женщину, а отточенный клинок, который вошёл в масло. Ему стало почти жаль госпожу Пак. Та ещё пыталась огрызаться про «подделки», но её голос дрогнул, выдав смертельный страх.

«Вот почему все её так боятся, — догадался он. — Лин-на не просто советник. Она — архивариус чужих грехов. И сегодня один из этих грехов должен быть оплачен».

— Вижу, вы согласны, — пропела госпожа Лин-на. — Это очень благоразумно с вашей стороны. Тогда подпишите вот это.

Она достала из папки листок и протянула госпоже Пак свою ручку.

— Что это за бумага? — аристократка инстинктивно отпрянула. — Я не стану ничего подписывать без личного присутствия моего семейного юриста!

— Это всего лишь предконтрактное MOU, меморандум о взаимопонимании, — успокаивающе, словно гипнотизируя жертву, пояснила Лин-на. — Чистая формальность. Остальное — рутинная работа наших юридических департаментов. Всё будет оформлено строго в рамках закона, уверяю вас. Ваши финансовые права ни в чём не будут ущемлены. Подписывайте, госпожа Пак. У нас обеих слишком мало времени.

Госпожа Пак с сомнением посмотрела на документ, но серая папка была всё ещё рядом, а в ней то, что могло разрушить весь её бизнес, а может, и жизнь. Взвесив все «за» и «против», она всё же решилась. Судорожным движением поставила размашистую подпись, после чего настолько нервно швырнула ручку на стол, что та со звоном укатилась на мраморный пол.

— Это ничего не решает. Согласие на сделку можно и отменить.

— Вы подписали его добровольно, без принуждения, — Лин-на чуть склонила голову, указывая на камеры в углах зала. — Вам не о чем переживать, вы получите хорошие деньги и спасете свою репутацию. Если бы вы так не упрямылись и не задирали цену, всё могло завершиться без давления и с большей выгодой для вас.

Она на глазах госпожи Пак порвала фотографию и высыпала на стол обрывки.

— А где гарантии, что это... — госпожа Пак кивнула на мусор, — не всплывёт в СМИ завтра?

— Сразу после официального закрытия контракта купли-продажи вы получите на руки все исходные файлы и негативы, — ровным, лишённым эмоций голосом ответила Лин-на, бережно упаковывая подписанный лист обратно в серую кожаную обложку.

— Председатель ещё горько пожалеет об этом шантаже, — аристократка бессильно откинулась на спинку кресла. В её глазах закипела лютая, змеиная ненависть. — А ты... ты будь очень осторожна, девка. Я слишком хорошо знаю, как именно заканчиваются подобные истории в нашем мире. Люди, которые знают слишком много чужих секретов... исчезают первыми. И очень тихо. Однажды, ты получишь то же, что прислала мне в этой папке.

Лин-на удовлетворенно кивнула, проигнорировав зловещее пророчество, и неторопливо поднялась со своего места. Но она бы не была легендарным консильере империи Чжин, если бы позволила врагу оставить последнее слово за собой.

— Благодарю вас за уделенное время, госпожа Пак, — мягко, почти ласково пропела она своим особым журчащим говором. — Не беспокойтесь за меня, я стараюсь вести исключительно правильный образ жизни и бережно относиться к своему здоровью. Приятного вам аппетита. Ваш шоколадный фондан выглядит просто умопомрачительно. Искренне жаль, что вы, вероятнее всего, уже окончательно потеряли к нему всякий охоту.

С этими словами она оставила госпожу Пак совершенно раздавленной.

Приятного аппетита. Эти слова прозвучали как эпитафия.

Тэ-хён невольно перехватил взгляд одного из телохранителей госпожи Пак — в нём была не только злость, но и чистый, незамутнённый страх. Они поняли: эта женщина в красных туфлях только что съела их хозяйку на завтрак.

Он развернулся, освобождая ей путь. Теперь он знал, что прикрывает тылы самого опасного существа, которое когда-либо встречал.

И в этом лакированном змеином гнезде, где судьбы людей ломались одним росчерком пера, ему нужно было держать ухо востро. Если эта женщина способна с такой лёгкостью уничтожить элиту Пхёнчхан-дона, то его собственную, и без того покалеченную жизнь она раздавит, даже не заметив.

Он ещё наклонился и поднял ручку, которая так и лежала на полу. Она показалась ему слишком красивой и дорогой, чтобы оставлять этот трофей врагу. И поспешил за госпожой

Лин-ной, не оглядываясь, невольно отмечая, как красные каблукы её туфель отражаются на белом мраморе, словно оставляют кровавые следы на снегу.

Она не произнесла ни слова, пока не села в машину. Только достала телефон. Один звонок.

— Да, Председатель.

Пауза.

— Она дала согласие.

Ещё пауза. Долгая.

— Нет, она не сопротивлялась.

Тэ-хён вспомнил, как госпожа Пак швырнула ручку, произнося угрозы.

— Да, документы у меня... Немедленно... Слушаюсь.

И положила трубку.

— В центральный офис, — приказала она Гиль-у, уже набирая новый номер.

— Господин Ан?.. Да, срочно. Полный пакет. Регистрация в течение 24 часов. Немедленно приступайте к работе, я привезу меморандум.

Тэ-хён сидел неподвижно, стараясь даже дышать тише. Он сжимал в кармане подобранную ручку — холодный металл жёг ладонь. Это не просто работа, это — война. Но на этой войне не стреляют в спину, здесь бьют документами.

Председатель не стал бы встречаться с женщиной вроде госпожи Пак — это было бы ниже его достоинства. Должно быть переговоры с нею шли уже давно и не дали результат. Женщина оказалась слишком жадной и, почувствовав выгоду, загнула слишком большую цену. Или вовсе из вредности грозила продать землю третьим лицам.

Судя по всему, этот участок был очень важен для Председателя. Земля даёт доступ к строительству, контроль над районом. Но он не мог заниматься убеждением госпожи Пак сам. К тому же, Тэ-хён готов был предположить, что между госпожой Пак и Председателем был какой-то давний конфликт.

А значит, вся тяжесть унижения легла на госпожу Лин-ну. Это она вошла в зал, приняла оскорбления, сделала грязную работу — а он, тем временем, сидел в своём кабинете, будто и не причастен к этому.

«Вместо этого он уехал в Храм, — догадался Тэ-хён. — Молиться за дочь, которая покинула Корею неделю назад».

Это был всего лишь предлог. Даже если госпожа Пак захочет заявить о незаконности сделки, давлении и нарушении конфиденциальности частной жизни, Председатель всегда сможет сказать, что не имел к этому делу никакого отношения, и всё это было частной инициативой его помощницы.

Да, госпожа Пак не зря предупреждала Лин-ну. От тех, кто слишком много знает принято избавляться.

А серебристый «БМВ» тем временем на полной скорости мчался по столичным проспектам. И Лин-на везла своему Пигмалиону победу, как трофей, завернутый в бумаги.

Когда они уже подъезжали к штаб-квартире «Синджин Групп», госпожа Лин-на бросила фразу, обращенную к обоим, но смотрела при этом только на Гиль-у.

— Можете пока пообедать. Это надолго.

Тэ-хён проводил её до самых дверей офисного здания. Теперь он не отставал от неё ни на шаг, чётко, по-военному вписываясь в её летящий стремительный ритм. У самого входа он на секунду преградил ей путь — вежливо, но решительно — и протянул вперёд раскрытые ладони. На них хищно поблескивая золотым клипом, лежала премиальная перьевая ручка.

Спина сама собой согнулась в глубоком, почтительном поклоне — на этот раз не по приказу, а по велению того самого солдатского инстинкта, который заставляет уважать победителя.

Лин-на замерла. Она посмотрела на ручку, затем на его склонённую макушку. Тэ-хён не видел её лица, но почувствовал, как в воздухе повисла пауза — тяжёлая, как перед выстрелом.

Она медленно, двумя пальцами, взяла ручку. Её перчатка на мгновение коснулась его ладони — холодная кожа к горячей.

— Вы выбрали её? — В её голосе не было ни насмешки, ни льда — только сухое, деловое удивление. — Благодарю, господин Кан. У вас зоркий глаз. И... неплохая реакция.

Она спрятала ручку в свой красный блокнот, где ей было и место.

— Идите обедать, — добавила она уже на ходу, бросая фразу через плечо. — И купите себе что-нибудь острое. Это помогает от похмелья лучше, чем ваши очки.

Тэ-хён так и застыл на крыльце, чувствуя, как лицо стремительно заливают краски стыда. Эта чёртова иностранка не просто всё помнила — она знала о его ночных приключениях каждую деталь, словно сама безмолвно стояла в углу того портового мотеля.

— Аппетит у неё, конечно, железный, — пробормотал он, глядя на закрывшуюся дверь. — Где тут можно поесть, Гиль-у. Кажется, мне действительно нужно протрезветь.

— Что, новичок, проголодался? — Гиль-у потянулся, снимая напряжение. — Здесь есть небольшое кафе для сотрудников, где подают очень вкусный бибимбап.

— А если вдруг срочно?..

— Если срочно — она позвонит. А пока — наше главное оружие — терпение.

Они поставили машину на подземную парковку и вернулись в лобби на первом этаже. Здесь был небольшой, но очень комфортный зал ожидания и кафе для сотрудников, где пахло лапшой и кофе. Гиль-у взял себе бибимбап, а Тэ-хён — рамён с кимчи.

— Слушай, — начал Гиль-у, тщательно перемешивая ингредиенты в миске, — я тебе скажу так. Главное в нашем деле — это умение ждать.

— Ждать?

— Именно. Умение часами сидеть на месте, не дёргаться, не смотреть на часы и ловить ритм. У всех этих шишек есть свои привычки. Зная, сколько у них уходит на подписание бумаг, а сколько — на звонок шефу, ты можешь с точностью до минуты просчитать события. И тогда ты никогда не ошибёшься с подачей машины. Это целое искусство, брат.

— А если всё пойдет к чертям? — Тэ-хён медленно намотал лапшу на палочки. — Если случится что-то экстраординарное?

— Если случится форс-мажор, уверяю тебя, наша писегванним не растеряется, — Гиль-у снисходительно хмыкнул. — Она далеко не кисейная барышня. Порой в такие злачные дыры заходит по делам Председателя, куда приличные люди под дулом пистолета не сунутся. И ничего, всегда умеет за себя постоять. Так что учись ловить её темп, Кан.

В словах водителя было больше здравого смысла, чем во всех армейских уставах.

Умение ждать. Раньше он ждал в засаде, чтобы нажать на курок. Теперь ему нужно было научиться ждать, чтобы просто вовремя открыть дверь.

— Слушай, — Тэ-хён отложил палочки, заглядывая водителю в глаза. — А что за история с парнем, который охранял госпожу Лин-ну до меня? Говорят, он погиб.

Гиль-у мгновенно помрачнел. Весь его заливчатый кураж сошёл на нет.

— Его звали Кан Мин-хо. Прожжённый был мужик, опытный, — тихо отозвался водитель, отодвигая миску. — Я тогда как раз взял отпуск по семейным. Машина Лин-ны на полной скорости вылетела с горного серпантина. Официально — их подрезал шедший наперерез внедорожник. Когда седан покатился по склону, Мин-хо успел в последнюю секунду вытолкнуть госпожу из салона. Сам выбраться не смог — рванул бензобак.

Гиль-у замолчал, и Тэ-хёну показалось, что воздух в столовой стал осязаемо тяжёлым.

— Тот внедорожник... его вообще нашли? — спросил Тэ-хён, внутренне подбираясь.

Водитель поднял глаза, и Тэ-хён увидел в них то, чего никогда не напишут в официальных рапортах Службы Безопасности.

— Дело замяли, Кан. Следователи копали, но вышло так, будто никакой второй машины на серпантине и в помине не было.

— Хочешь сказать, Мин-хо сам не справился с управлением на ровном месте?

— Я ничего не хочу сказать, — отрезал Гиль-у, и в его голосе проступил искренний, липкий страх. — Нам, водителям, не положено совать нос в такие вещи, если хотим дожить до пенсии. Доедай, пора возвращаться в лобби. Госпожа скоро спустится.

Тэ-хён смотрел на свои руки и думал о погибшем Мин-хо. Тот парень, наверное, тоже считал Ехидну высокомерной стервой и злился на её ледяной нрав. Но в ту секунду, когда машина летела в пропасть, он не думал о её характере. Он просто до конца выполнил свою работу.

И теперь Тэ-хён отчётливо понимал: его наняли на это место не для того, чтобы красиво открывать двери. Он занял место смертника.

Опустившись на глубокий диван в углу лобби, Тэ-хён впервые за этот сумасшедший день получил возможность перевести дух и спокойно обдумать происходящее.

До этого мгновения всё несло с такой калейдоскопической скоростью, что он едва успевал реагировать на раздражители: крики Квон, ярость Ехидны, амбалов госпожи Пак...

Теперь же, в стерильной тишине огромного вестибюля, его наконец догнал внутренний бунт.

Поверить не могу, я за это утро столько раз добровольно согнул спину, сколько за всю жизнь не кланялся! В кого ты превращаешься, Кан Тэ-хён? Ты уже стал лакеем.

Эта мысль жгла его изнутри сильнее острого перца. Его гордость боевого офицера была уязвлена. Он ведь до последнего упирался и не хотел устраиваться в СБ «Синджин Групп» именно из-за этого.

После трибунала и тюрьмы он органически не выносил необходимость гнуть спину перед зажавшимися толстосумами, прислуживать и заглядывать в глаза хозяевам жизни.

Он злился на себя, но ещё больше — на эту чужестранку. Эта женщина не сказала ему ни единого упрёка, не прочитала ни одной нотации, но умудрилась так легко и бесшумно подчинить его своим правилам, взломав его хваленую спецназовскую оборону.

Тэ-хён устало прикрыл глаза, откинув голову на спинку дивана.

Впереди был ещё целый день, а он уже чувствовал себя опустошенным. Сможет ли он вообще выдерживать такой безумный накал подковёрных интриг? Или эта ледяная Ехидна сломает его гораздо раньше, чем Чо Тэ-сан успеет придумать следующую подставу?

— Что-то не так. Какое-то странное затишье.

Гиль-у уже несколько минут нервно метался из стороны в сторону перед диваном, на котором сидел Тэ-хён.

— Чего ты мечешься? — Тэ-хён с удивлением снизу вверх посмотрел на молодого водителя. — Ты же сам только что лекцию читал про ангельское терпение и великое умение ждать.

Гиль-у даже не улыбнулся. Парень топтался на месте, и буквально грыз ногти от внутреннего напряжения, и встревоженно бормотал под нос:

— Она никогда не задерживается в этом офисе так долго. Никогда. Обычно залетает, забирает нужные документы — и сразу обратно на парковку.

Тэ-хён выпрямился, пристально взглядываясь в напарника. Тот больше ни капли не походил на умудренного опытом наставника — теперь перед ним стоял встревоженный до смерти парень, чей звериный профессиональный инстинкт всюду кричал о близкой опасности.

— Ритм сбился? — тихо, без тени иронии спросил Тэ-хён.

Гиль-у не ответил, лишь коротким, нервным жестом поправил воротник. В огромном, залитом светом лобби штаб-квартиры внезапно стало неудобно. Тэ-хён невольно проследил за взглядом водителя, направленным на скоростные лифты.

— Хочешь, чтобы я поднялся на верхние этажи и проверил её кабинет? — Тэ-хён прикинул шансы. — Только у меня допуск новичка. Меня охрана на вертушках не пустит.

— Сначала я проверю машину, — вдруг резко выдохнул Гиль-у, разворачиваясь к выходу. — Интуиция спать не дает.

— Я с тобой, — Тэ-хён мгновенно поднялся с дивана, на ходу застегивая пальто.

Оказавшись возле машины, оба озадаченно замерли. На лобовом стекле была записка: «*В три часа — у восточного входа. Не опаздывать*».

— Чёрт! Только не это! — Гиль-у в сердцах скомкал записку и швырнул её на пол стоянки.

Тэ-хён с удивлением посмотрел на него. Странная реакция для водителя.

— Ты чего так завёлся? — Тэ-хён нахмурился. — Это же не твоя вина, что она решила выйти через другой пост.

Гиль-у судорожно вздохнул, упрямо пытаясь взять себя в руки и унять дрожь в пальцах.

— Просто... я обязан всегда присматривать за ней.

Тэ-хён поднял с пола записку, аккуратно развернул её и рассмотрел. Ничего подозрительного. Иероглифы написаны немного неуклюже, как будто писал ученик начальной школы. Эти буквы выглядели беззащитно на фоне блестящего капота «БМВ».

— Это её почерк?

— Да, — ответил Гиль-у, всё ещё на взводе.

— Хорошо. Значит её не похитили. Она уехала сама, по своей воле. И часто она выкидывает такие фокусы со скрытым перемещением?

— Нет. Вообще-то, она патологически дисциплинированный начальник, — водитель нервно расхаживал взад-вперёд по полупустой подземной парковке. — Но я всё равно не имел права её упускать.

— Почему? Она что, под подозрением?

Тэ-хён бросил на напарника острый, зацепившийся за его панику взгляд.

— Нет, — ответил он растеряно. — Ты не понимаешь. Это наша работа. Объект всегда должен быть под присмотром. Упустил его — будет твоя вина, если с ним что-то случится.

Ответ прозвучал не убедительно.

— Гиль-у, — Тэ-хён перехватил мечущийся взгляд водителя. — Ты боишься за неё или ты боишься потерять её из виду? Это разные вещи.

Водитель замер, и на мгновение в его глазах промелькнула тень, которую Тэ-хён уже видел раньше — у людей, которым есть, что скрывать.

— Так, куда она делась? Есть варианты?

Гиль-у покачал головой.

— Тайная встреча. Решила прогуляться. Поехала в ближайший ресторан. Это же Лин-на!

— Ты сказал, что она дисциплинирована.

— Да! Обычно она так не поступает, — водитель раздражённо хлопнул ладонью по рулю. — Но у неё ежедневно куча конфиденциальных дел и встреч, о которых СБ даже не докладывают. Она ведь чхонин, личный советник. Встречается с людьми, собирает информацию, платит за лояльность. Всё такое.

— Так чего ты так переполошился? Написано: «*В три часа — у восточного входа*». Значит, она вернётся к этому времени. Ты же сам, говорил, что чувствуешь, когда можешь быть нужен.

Гиль-у только отмахнулся, но Тэ-хёну показалось, что он раздосадован больше, чем хотел показать. Госпожа Лин-на выбивалась даже из его системы. Он огляделся, как будто ещё надеялся увидеть хвост ускользающей лисицы.

Тэ-хён был старше по возрасту, но поскольку он был новичком, во всём полагался на своего напарника. Но сейчас напарник явно демонстрировал не совсем адекватное поведение.

— Приказ — ждать, значит, будем ждать. — Сказал он. — В три часа, так в три часа. У восточного входа, так у восточного входа.

Досада молодого водителя была понятна. Тэ-хён и сам почувствовал себя уязвленным, как жених на свадьбе, с которой сбежала невеста. Уж не на это ли намекал господин Чо Тэ-сан, когда спрашивал его, готов ли он работать с клиентом, которые ведёт себя непредсказуемо?

Она вернулась ровно к трём, как и обещала. Припарковала служебный автомобиль и пересела в машину Гиль-у. Коротко бросила:

— Отвези меня пообедать.

Тэ-хён обернулся. Что-то в движениях и голосе этой женщины заставило его посмотреть на неё внимательнее. Её долгое отсутствие встревожило и его, и Гиль-у. Понятно было, что госпожа не обязана объясняться. Но это было чисто инстинктивное человеческое желание узнать, всё ли у неё в порядке.

Вопрос уже готов был слететь с его губ, но он немедленно наткнулся на невидимую стену, которая, казалось, даже звуки не пропускала.

Лин-на сидела неподвижно, зажатая в тиски какой-то своей, недоступной для них логики. В полумраке заднего сиденья её лицо казалось чужим и угловатым; жёсткая складка между бровей и намертво сомкнутые губы напрочь стирали ту миловидность, которую он пытался разглядеть в ней утром.

Она не смотрела на своих подчинённых. Она даже не смотрела в окно. Её взгляд был направлен в пространство, как будто её и нет здесь, словно она несётся в тоннеле времени. Ни чувств, ни эмоций. Только сгусток энергии.

Тэ-хён осёкся, так и не выдав ни звука. Перед ним словно демонстративно закрыли дверь. В груди Тэ-хёна, пониже рёбер, настойчиво и остро заскребло то самое чувство, с которого обычно начинается затяжной, глухой конфликт.

Подумаешь, какая королева. Была бы честь предложена.

Ресторан, дорогой и по-европейски респектабельный, встретил их приглушённой тишиной. Госпожу Лин-ну здесь хорошо знали, потому сразу проводили на её излюбленное место в самом углу зала.

Тэ-хён остался у входа — внешне безупречный, собранный, но внутри всё ещё кипящий от её пренебрежения в машине. Ему не нужно было охранять её в привычном смысле, здесь было безопасно, поэтому он просто наблюдал. Смотрел отрешённо и зло, как боевой офицер, оценивающий напарника, с которым завтра идти в бой, но которому он ни на грош не доверяет.

Лин-на обедала одна, кутаясь в своё одиночество, как в кокон. От вчерашней хищной — на грани вульгарности — женщины в портовом баре не осталось и следа.

Сегодняшний образ кричал о недосытаемости: строгое чёрное платье-футляр с отделкой красным кантом и чётким акцентом на талии. Пышные волосы были стянуты в тугую, бескомпромиссный пучок.

Отсутствие общения она с лихвой компенсировала сосредоточенной, почти яростной работой, методично заноса резкие штрихи золотым пером в красный блокнот.

Увидев в её пальцах ручку, которую ранее госпожа Пак так неосторожно отшвырнула, а он поднял и вернул законной владелице, Тэ-хён укрепился в мысли, что поступил правильно. В руке Лин-ны она смотрелась так же органично, как оружие в руках воина.

Этот дорогой, сделанный на заказ инструмент оставался единственным роскошным предметом из всех её аксессуаров. Ни колец, ни серёг. Никаких драгоценностей.

Любовница Председателя могла бы похвастаться куда большим. Но эта женщина не вписывалась ни в какие определения. Для секретаря она вела себя слишком вольно, умудряясь даже без украшений выглядеть дорого, почти роскошно. Для любовницы чеболя в ней напрочь отсутствовал тот самый роковой вайб, заставляющий мужчин терять голову.

«*Консильере*», — снова всплыло в мыслях слово, подаренное Гиль-у. Что-то в её облике совсем не вязалось с этим нарочитым титулом.

Тэ-хён невольно скользнул взглядом по её тонкому стану. Изящно изогнувшись в талии и облокотившись одной рукой о стол, она склонилась над записями, изредка сверяясь со смартфоном. Его взгляд на мгновение вспыхнул, прикованный к откровенно соблазнительным изгибам и точёной линии шеи.

В этот момент к столику подошёл официант, чтобы поинтересоваться, не желает ли она чего-то ещё.

Госпожа Лин-на вышла из задумчивости, подняла голову и посмотрела на парня так, словно увидела посторонний предмет, нарушающий стройные ряды её планов. В её лице не было ни капли раздражения — только сухая, отстранённая вежливость.

Но Тэ-хён буквально физически почувствовал, как официанта обдало могильным холодом, будто тот обратился к призраку. Те же «ноль эмоций», что и в машине. Ей никто не был нужен, и в этой вселенной не существовало ничего важнее её красного блокнота.

«*Сколько ей?*» — подумал Тэ-хён.

На вид не более тридцати. Самый расцвет сил, когда женщины стремятся строить отношения и всю флиртуют, неосознанно играя своей женственностью.

Но прямо сейчас ему открылась странная, отталкивающая вещь: она не была роковой красавицей. Из-под глянца проглядывала обычная, просто миловидная европейка. Ничего особенного. И это открытие лишь сильнее разжигало внутри глухую досаду.

Кто она вообще такая, чтобы с её заурядными данными вот так хладнокровно вертеть этим жестоким миром?

Его, ветерана боевых действий, умудрилась напугать женщина, чья реальная суть оказалась куда прозаичнее её пугающей роли. В Тэ-хёне свербело чисто мужское разочарование — женщина, заявляющая о своём ментальном превосходстве стратега в юбке, могла бы быть и покрасивее. А её, пусть и умные, но такие ледяные глаза равнодушно скользили мимо него, будто он был лишь деталью интерьера. И это высокомерное пренебрежение раздражало его до сжатых кулаков.

Обед закончился неожиданно динамично. Лин-на буквально бросила недоеденное блюдо, запила его глотком красного вина из бокала, и встала. Бросив на ходу менеджеру: «Пришлите мне счёт», направилась к выходу.

— В поместье? — с надеждой в голосе спросил Гиль-у.

— В клинику «Ханён». Я прислала тебе адрес на телефон.

Гиль-у молча кивнул и включил навигатор.

До клиники «Ханён», затерянной в глухом, нереспектабельном районе, добирались долго. К моменту, когда машина затормозила у входа, небо окончательно затянуло и пошёл мелкий, липкий дождь.

Тэ-хён взглядом скользнул по тусклой вывески над козырьком.

«*Клиника мужского здоровья?.. Что ей там нужно?*»

Лин-на вошла внутрь одна, оставив Тэ-хёна мокнуть под дождём у входа. Хорошо ещё, что пробыла она там совсем недолго.

Она появилась на выходе минут через пятнадцать, но спускаться не спешила. Замерла в дверях, глядя перед собой остекленевшим взглядом, словно внезапно забыла, где находится и зачем сюда пришла. Сделала пару шагов в сторону, мучительно собираясь с мыслями.

Наконец она очнулась и резким шагом направилась к автомобилю.

Тэ-хён молча, с каменным лицом открыл перед ней дверцу. Лин-на опустилась на сиденье. Гиль-у поймал её отражение в зеркале заднего вида.

— Домой? — тихо спросил он.

Ответной реакции не последовало. Лин-на застыла, уставившись в одну точку.

«Что ты там выкопала? Очередной компромат, от которого тошно?» — подумал Тэ-хён, искоса разглядывая её пугающе бледный, словно обострившийся профиль. За глухим стеклом её кокона сейчас царил настоящий шторм, но делиться его причинами она не собиралась.

Тишину салона разрезал резкий звонок смартфона. Выслушав абонента, она безлико бросила в трубку: «Еду», и повернулась к водителю:

— В офис.

Гиль-у молча нажал на газ.

Город стремительно погружался в сумерки. Мелкий дождь заливал стёкла, дробя на мокром асфальте разноцветные огни фонарей и едкий неон вывесок. Этот первый рабочий день казался Тэ-хёну бесконечным. И внутри него зрел лишь один тоскливый вопрос: неужели по такому кругу ада им придётся мотаться ежедневно?

Возвращались они уже глубокой ночью. Когда в темноте за поворотом наконец показалась возвышенность с помещьем Санбалам, Тэ-хён ощутил почти физическое облегчение.

Как и утром, Гиль-у подогнал машину к заднему входу. Тэ-хён открыл дверцу и шагнул в сторону, ожидая, пока Лин-на покинет салон.

С неба сыпал унылый дождь, да и не дождь уже, а непонятная липкая морось. Но она отмахнулась от зонта и резким шагом направилась к дверям дома.

Тэ-хён остался на месте, по инерции ожидая хотя бы формального кивка — оценки его первого рабочего дня. За его спиной тихо шуршала шиной уезжающая к гаражам машина. В глухой тишине помещья раздавался лишь методичный, сухой стук её каблучков по асфальту. И вдруг:

— Кан Тэ-хён.

Он вздрогнул. Армейские рефлексy сработали быстрее, чем накатившая усталость — спина мгновенно выпрямилась, голова опустилась в чётком уставном поклоне:

— Да, госпожа Лин-на.

— Сегодня утром, — её голос звучал ровно, пугающе вежливо, без малейшей тени гнева, — ты преградил мне дорогу перед людьми госпожи Пак. Это было... излишне.

Она сделала паузу. Слишком короткую, чтобы успеть ответить. Слишком долгую, чтобы не почувствовать, как всё внутри сжимается.

— Я не нуждаюсь в защите. Я не прошу о помощи. Впредь действуй исключительно по моему приказу. Ни секундой раньше. Ни секундой позже.

Она смотрела на него в упор сквозь серую изморось — открыто, хладнокровно, с той самой застывшей маской ледяного пренебрежения, от которой у Тэ-хёна днём сводило челюсть.

Он так и не понял, в чём заключалась его тактическая ошибка. Он закрыл её корпусом, уберёг от чужих рук, а его выставили виноватым. Но внутри отчётливо, кожей почувствовал: там, в ресторане, когда его ладонь на мгновение накрыла её плечо, он переступил какую-то невидимую, священную для неё черту. И Ехидна ему этого не простила.

Она резко развернулась и скрылась за дверью. Не оглядываясь. Точь-в-точь как человек, для которого Кан Тэ-хён прямо сейчас попросту перестал существовать.

Всё, с меня хватит! Пора положить конец этому безумию.

Её чужие зелёные глаза до сих пор жгли душу, как вчера в баре, а этот ледяной выговор у порога окончательно растоптал его офицерскую гордость.

Глава 4. Игра тене

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.